

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

В Л А Д И М И Р М О Р О З

# САШКА





Маленький солдат большой войны

Владимир Мороз

**Сашка**

«Реноме»

2015

УДК 821.161.1-3  
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

**Мороз В. В.**

Сашка / В. В. Мороз — «Реноме», 2015 — (Маленький солдат  
большой войны)

ISBN 978-5-91918-581-9

Художественно-исторический роман «Сашка» повествует о начальном периоде Великой Отечественной войны и является первой книгой серии «Маленький солдат большой войны». В центре событий оказывается простой белорусский паренек, вчерашний призывник. Встретив немецкое нападение под Брестом, пройдя кровавыми дорогами отступления через белорусское Полесье и Украину, он воочию видит трагизм смертоносной катастрофы, замечает, как меняются люди, втянутые в круговорот жестоких обстоятельств. Представленный роман — это итог многолетних исследований малоизвестных страниц истории, проводимых автором. О тех, кто своей борьбой летом 1941-го приближал весну 1945 года.

УДК 821.161.1-3  
ББК 64(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91918-581-9

© Мороз В. В., 2015  
© Реноме, 2015

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 15 |
| Глава 4                           | 18 |
| Глава 5                           | 23 |
| Глава 6                           | 27 |
| Глава 7                           | 31 |
| Глава 8                           | 35 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 38 |

# Владимир Мороз

## Сашка

*Памяти тех, кто трагическим летом сорок первого приближал  
победную весну сорок пятого, посвящается...*

### Глава 1

Промозглая осень полоснула холодным утренним дождем. Низкое серое небо висело над лесом и, казалось, цеплялось за самые верхушки огромных вековых елей. Сашка лежал прямо на голой земле, плотно усеянной осыпавшимися иголками, и, прижимаясь крепче к мощному смолистому стволу, пытался найти хоть какое-то укрытие под густыми тяжелыми хвойными лапами. Свернувшись плотным калачиком, укрывшись куцей шинелькой, зажав руки между ног, чтобы хоть немного согреться после очередной ночи, проведенной в лесу, он мелко дрожал от холода, забравшегося в каждую клеточку его по-юношески худого тела.

Последнюю спичку он истратил еще позавчера, когда ночевал в большой воронке в середине березовой рощи, которая после бомбежки представляла собой весьма мрачное зрелище. Десятки переломанных стволов, словно мощным ураганом, были разбросаны по всему лесу. Выкорчеванные с корнями старые деревья, иссеченная осколками бомб береста с налипшими остатками человеческой плоти, кусками железа, копоты, гари дополняли уже ставший привычным военный пейзаж.

Сашка вышел к роще к вечеру и до самой темноты копался в развалинах совсем недавно разбитого госпиталя, пытаясь найти что-то съестное. Но, похоже, местные жители опередили его, успев унести все более-менее ценное. Вот и небольшой холмик на окраине рощи тому свидетель. Здесь похоронены те, кому не посчастливилось пережить этот налет немецких бомбардировщиков, которые, выследив очередных жертв – беззащитных раненых и работников медицинской службы, заперли их в этом небольшом лесочке и спокойно забросали бомбами. Разбитые машины и изувеченные палатки с красными крестами – явное тому подтверждение. Одна из бомб попала прямо в яму, в которую складывали тела умерших от ран воинов, и своим взрывом заставила их умереть во второй раз, превратив в кровавую кашу, настолько мелкую, что собирать эти человеческие кусочки не стали, а просто сгребли граблями в образовавшуюся после взрыва воронку и присыпали сверху песком. Так и лежат теперь вперемешку Иваны, Гришки да Федьки, чьи судьбы и тела смешались воедино.

В тот вечер, когда совсем стемнело, Сашка спрятался в одной из воронок и, прикрыв ее сверху остатками медицинской палатки, развел костер. В этот раз на ужин достались пара вдавленных сапогами в грязь сухарей да немного грибов. Он молча грыз засохший хлеб, сдобренный отборной черной грязью, которая противно скрипела на зубах, и печеные грибы, без соли совсем невкусные. Но это была хоть какая горячая еда. Хлеб, картошка и сало, которые ему дал старик, оставивший у себя раненого товарища подполковника, закончились почти неделю назад. И все эти дни Сашка перебивался с грибов на ягоды.

Заходить в деревни, чтобы попросить хоть маленький кусочек хлеба, хоть яблочко, он боялся. Боялся в очередной раз услышать нерусскую гортанную речь пришлых захватчиков. Еще не затянулись душевные ужасы от того страшного лагеря для военнопленных, в который он угодил в первые дни войны. Вот и пробирался на восток, словно дикий зверь, обходя деревни стороной, идя по маленьким, еле заметным тропинкам и все время прислушиваясь к посторонним звукам, готовый в любую секунду сбросить с плеча винтовку и выстрелить.

Хорошо, что успел насобирать три полных магазина патронов. Больше нести было совсем тяжело. Винтовка больно натерла плечо, мешала при ходьбе, но бросить ее Сашка не мог: сам для себя решил, что с оружием он еще боец, а не беглец. То же самое говорил и товарищ подполковник, когда они выбирались из очередного окружения. И нужно было идти, не останавливаясь, туда, где гремели все удаляющиеся раскаты фронта. Нужно во что бы то ни стало выйти к своим. Они должны знать, что Сашка не предатель, не дезертир, что тяжело раненный товарищ подполковник отправил его выходить в одиночку, а сам остался, так как идти дальше уже не мог: не слушалось тело, в котором уже, наверное, почти совсем не осталось крови. А он, Сашка, еще повоюет, еще пригодится своей стране в борьбе с навалившимся злом.

Но сил идти не было. Сейчас он лежал под елью, дрожа от холода, и ловил себя на мысли, что подняться и сделать первый шаг он уже не может. Но, не сделав этот шаг, он обязательно умрет, и мама, его любимая мама, так и не узнает, что кости ее единственного сына будут белеть вот под этими самыми хвойными лапками в глухом брянском лесу. И никто не узнает, где нужно искать товарища подполковника, ведь только Сашка хранит эту тайну.

Наконец решившись, он сел, прислонился спиной к смолистому стволу. Подтянул за ремень винтовку, привычным движением протер затвор от попавших на него иголок и мелких песчинок. Надо идти дальше, под дождь. Посидев еще пару минут, он выбрался из-под дерева, давшего ему укрытие этой ночью, забросил винтовку за спину и медленно побрел в направлении, намеченном вчера перед сном, когда небо еще не было так затянуто, как сегодняшним утром.

С первых шагов в лицо ударило мелким противным дождем, тонкие ледяные нити которого старались проникнуть за воротник, попадали на лицо, на кисти рук. Подняв воротник и натянув пилотку глубже, Сашка шел, не оглядываясь назад, и только глаза и слух постоянно следили на все триста шестьдесят градусов, в надежде как можно раньше предупредить его о надвигающейся опасности. По пути удалось насобирать горсть перезревшей брусники, своим сладковато-кислым вкусом она обожгла рот, немного заглушив чувство сильного голода. Вчера было хуже, есть хотелось так сильно, что голод затмил собой все другое, и случись что-нибудь непредвиденное, Сашка обязательно бы угодил в это. От долгого недоедания так сильно кружилась голова, что настроиться на внимательность и осторожность никак не удавалось. Поэтому он сознательно избегал любых, даже самых незаметных тропок, чтобы случайно не столкнуться с врагами. А вот сегодня уже легче. Наверное, молодой организм просто смирился со своей незавидной участью, довольствуясь тем, что есть.

Еще через час удалось найти старую, немного червивую горькую сыроежку со светло-красной шляпкой. Пожевав ее немного, так и не смог заставить себя проглотить даже маленький кусочек, сплюнул скопившуюся во рту горечь и побрел дальше. Сколько ему еще идти? День? Неделью? Месяц? Фронт постоянно откатывается на восток, значит, не получается пока у Красной армии остановить дикие орды оголтелых ненасытных гитлеровцев, рвущихся в глубь страны. Но он обязательно дойдет, по другому и быть не может. Ему нужно дойти. Сашка сам внушил себе эту необходимость, иначе можно было сдаться, сломаться и уже давно пропасть навсегда. А так эта мысль согревала его, заставляла подниматься, когда уже совсем не было сил, и толкала, вела все дальше и дальше. Туда, на восток.

Во второй половине дня дождь затих, свисая застывшими каплями с желтых листьев, готовыми сорваться вниз от малейшего прикосновения. Сашка промок до нитки, шинель стала необычайно тяжелой, в сапогах хлюпало. Он несколько раз останавливался, снимал мокрые сапоги, отжимал грязные портянки, а вода вновь и вновь проникала вовнутрь. Но хуже всего, что от постоянных ночевки на голой сырой земле начинал подниматься кашель, а это очень плохо. Кашель – это не только признак болезни, но еще и коварный предатель, который может вырваться из груди в тот момент, когда нужно затаиться, спрятаться и перестать дышать.

Лес внезапно кончился. Вроде только забрезжили просветы между деревьями, и вот тебе на: Сашка стоит уже на самой опушке в редких зарослях кустарника. Впереди, менее чем в трехстах метрах, видна темная крыша небольшой избушки, за ней еще одна, и еще... Сам того не желая, Сашка вышел к очередной маленькой деревушке. Чутье подсказывало ему, что нужно здесь попытаться счастья, но опыт остерегал от этого. Опыт велел обойти деревушку лесом и идти дальше. Но сил уже почти не было, замерзшие ноги отказывались делать шаг. И тогда Сашка решился. Спрятавшись в кустах, он стал наблюдать за деревней. Необходимо было понять, есть здесь чужие или нет.

Пока деревенька выглядела вполне миролюбиво и не внушала никаких подозрений. Обычная русская деревня, с маленькими, покрытыми соломой да дранкой крышами, с редким дымом из труб. Пожалуй, единственное, что отличало ее от мирной деревни – это тишина. Не лаяли собаки, не кукарекали петухи, на улице не видно ни души, словно все спрятались или вымерли. Похоже, немцы здесь уже побывали, решил Сашка. Значит, надо быть вдвойне осторожным, наверняка или сами еще сидят, или оставили своих холуев-полицаев для обеспечения этого по-кладбищенски мертвого порядка.

Сашка стянул мокрые сапоги, развесил рядом портянки, чтобы хоть немного подсохли, укутал ноги шинелью, пытаясь как-то их согреть, и стал ждать темноты. «Нужно научиться ждать, – учил его товарищ подполковник, когда они часами лежали в лесу, ожидая возможности пересечь очередную дорогу, заполненную бесчисленными вражескими колоннами. – Запомни, Сашка, уметь ждать – это большая наука. Быстрее всего погибают самые нетерпеливые, а твоя задача – выждать свой единственно верный момент и нанести смертельный удар. Права на ошибку, брат ты мой, здесь быть не должно».

Дождавшись темноты, Сашка обулся и осторожно, напрягая слух и зрение, выставив винтовку вперед, двинулся ко второй от леса хате, стоявшей около ветвистой груши-дички. Этот старый ветхий домик он присмотрел заранее, решив, что там живут какие-нибудь такие же древние старики. Подобравшись, тихонько постучал в маленькое окно. Прошло не меньше минуты, Сашка уже подумал, что ошибся и здесь никто не живет, как в доме раздался скрип половиц, и в окошке показалось сморщенное старушечье лицо. Подслеповатыми глазами старуха рассмотрела в ночной темноте Сашку.

– Кого там черти носят? – раздался ее ворчливый голос.

– Бабушка, добрый вечер вам, не найдется ли кусочек хлеба? – чувствуя, что краснеет от стыда, тихонько ответил Сашка. Ему было очень совестно выпрашивать еду у пожилого человека, но другого выхода не было. Еще день-два, и все: сил не останется совсем, и можно будет брать его голыми руками. И тогда он не выполнит приказа товарища подполковника выйти к своим. А свои будут считать его, Сашку, предателем. И неизвестно, как это отразится на судьбе его матери, когда Красная армия погонит фашистов на запад. Ей могут припомнить сына и тогда уж точно отправят в те места, где навсегда сгинул отец.

– Нет у меня хлеба, проваливай куда шел, ходят тут всякие! А то сейчас кого надо вызову. У меня сосед в полиции служит, вот сейчас закричу, так он быстро явится, – старушка за окном угрожающе зашипела.

– Бабушка, не кричите, пожалуйста, – Сашка испугался, а вдруг эта сумасшедшая бабулька и вправду начнет сейчас орать. – Мне бы кусочек хлебушка или яблочко, я давно уже не ел, ослаб совсем.

– Сказано тебе: нет хлеба! Хочешь яблок – иди в свином корыте покопайся, может, там найдешь, и проваливай отсюда поскорее! – Старушка была явно не рада незваному гостю.

– Зачем вы так? Я же человек, а не свинья, – обиженно ответил Сашка и повернулся, чтобы уйти, но от волнения и обиды его вдруг накрыло волной внезапного кашля. В висках стало жарко, он согнулся пополам, зажал рот руками, стараясь не шуметь, ведь сосед-полицай мог оказаться сейчас во дворе своего дома. Прокашлявшись и немного отдышавшись, Сашка

шагнул к забору, однако, услышав звук открываемой двери, остановился и на всякий случай вскинул винтовку. Старушка выскользнула из дома, словно привидение, и подошла к нему.

– Пукалку-то свою опусти, не ровен час стрельнет, – ворчливым, но уже не таким злобным голосом сказала она, подойдя к Сашке поближе. – Ты один тут?

– Один, – ответил тот, опуская оружие и вытирая рот ладонью от вырвавшейся мокроты.

– Ну, пойдем со мной, нечего под луной отсвечивать!

Старуха взяла Сашку за руку и потащила в дом. Там было тепло: днем хозяйка протопила печь, прогревая хату перед надвигавшимися утренними заморозками.

– Садись тут, – хозяйка подвела Сашку к скамье, стоящей около стены, – сейчас огонь зажгу.

Она прошла к печке, вытащила рукой еще не до конца потухший уголек и, раздув его, подожгла лучинку, припасенную для розжига. Мягкий тусклый свет озарил бедное крестьянское жилье, десятками теней пробежав по нему.

Старуха повозилась еще немного и вытащила чугунок. Сняла крышку, и изба сразу наполнилась ароматом щей, таким сильным, что у Сашки от усилившегося чувства голода закружилась голова, а в горле опять запершил предательский кашель. Глотая слюну, он пытался удержать кашель, но тот снова вылез хрипотой, заставив Сашку опять зажимать рот, чтобы избежать лишнего шума.

– Снимай сапоги, пусть немного просохнут подле печки, а сам быстро к столу, – приказала старуха невесть откуда появившимся властным голосом, – и портянки не забудь снять, тоже, небось, отсырели.

Сашка начал разуваться, но мокрые сапоги прилипли к ногам и никак не хотели слезать. Провозился с ними долго, старуха стояла и молча смотрела на это, скрестив руки на груди.

– Давай, сама положу, а ты марш за стол, а то все остынет, – она поставила сапоги на припечек, сверху набросила портянки, – так быстрее высохнут.

Сашка сел за стол, на котором дымилась миска с пустыми щами и лежало несколько вареных картофелин. Жадно принялся есть обжигающее варево, которое даже без соли было для него сейчас самым вкусным на земле.

– С солью беда, – старуха под села рядом, внимательно наблюдая за ним, – не купить. Магазины у нас в деревне не было, в райцентр ходили, там был большой. Перед самой войной открыли. Так перед самыми немцами, как только большевики ушли, его местные до конца и разграбили, только стены и остались. А я-то, дура такая, запастись и не успела. А у тебя часом соли нет с собой? – она вопросительно взглянула на Сашку.

– Нет, бабушка, у меня в карманах только патроны остались, даже спичек нет.

– Ох, патроны, патроны, – старуха горестно закачала головой, – ты их что ли, Аника-воин, жевать собрался? На кой они тебе? Шел бы ты домой, служивый, не видишь, какая силища прет?! Тут целая армия справиться не смогла, а ты туда же со своими патронами. Немец, он позверствует малость, пограбит, да и успокоится. Он же понимает, что ежели весной сажать будет нечего, то осенью с голоду подыхать начнет. Сам-то откуда будешь? По голосу на белоруса похож.

– Угадали, бабушка, полесский я.

– Так что ж ты домой-то не пошел? Люди говорят, что многие по домам разбежались, через чьи земли немцы пройти успели. И немцы, ежели белорусов или украинцев в плен берут, то по домам отпускают.

– Был я дома, – нерешительно сказал Сашка, думая, стоит рассказывать старушке про разговор с матерью или нет, – много зла от немца, бабушка, такого зла, что страшно рассказывать. Я от самой границы иду, с самой первой минуты на войне.

– А ты Расскажи, милоч, я-то уже до утра не усну, так что времени много. Только вот доешь все, а потом и будешь рассказывать, а то какой рассказ на голодный желудок!



Старуха встала, оставив Сашку одного, и принялась в полутьме возиться по дому, что-то вытаскивая из сундука, стоящего около стены. Сашка доел щи с картошкой, от тепла и сытости сразу захотелось спать, молодой организм устал находиться в состоянии постоянного стресса и настойчиво требовал отдыха. Старуха еще бродила по дому, а Сашка уже уснул, положив голову на стол. Вытащив соломенный тюфяк и одеяло с подушкой, она постелила все это на скамье, подошла к Сашке и долго стояла, глядя на него.

– Ох, это ж надо так дитя довести! – в сердцах вздохнула она и принялась толкать Сашку: – Эй, служивый, забирайся на печь, там протоплено, да ложись спать. Завтра мне про свои мытарства поведаешь.

Сашка с трудом оторвал сонную голову от стола, пытаясь понять, где он находится. Вспомнив, замахал руками:

– Что вы, бабушка! Где это видано, чтобы гость на хозяйском месте спал! Я на полу лягу, не беспокойтесь.

– Лезь на печь, говорю, – голос старушки вновь стал властным, – с твоим кашлем только на полу и спать. Сам не выступишься и мне уснуть не дашь. Я себе уже на лавке постелила.

Поняв, что возражать бесполезно, Сашка забрался на горячую печь, положил голову на подушку и тотчас же уснул крепким беспробудным сном.

Проснулся он в середине дня от звука голосов, раздававшихся в хате. Первый голос принадлежал взрослому мужчине, второй – хозяйке.

– Степановна, – говорил мужчина, – сколько раз тебе говорить, что за укрывательство красноармейцев тебя ждет расстрел. Староста не ясно, что ли, на сходе зачитывал? Новая власть требует немедленно докладывать обо всех таких случаях. Ты что, хочешь, чтобы я супротив немца пошел? Так он меня потом первого и расстреляет вместе с семьей. А оно мне надо? У меня четверо детей по лавкам сидят.

– Ну, какой он красноармеец, – голос старухи звучал спокойно, – сопляк совсем, ребенок. Пожалей ты его, Яков Кузьмич, помрет он в этом лагере, совсем ведь дохлый.

Сашку словно молнией ударило: да это ж сосед-полицай пришел! И сейчас о нем, о Сашке, они со старухой и разговаривают. Решают его судьбу. А он все проспал. Да и винтовку оставил вчера около стола. Растяпа! Его теперь голыми руками можно брать. Сашка замер, прислушиваясь к каждому слову.

– Ой, Степановна, подведешь ты меня под монастырь! Ты думаешь, они меня пожалеют, ежели узнают? Меня-то ладно, а с детьми моими что будет?

– Так я, Яков Кузьмич, никому не скажу.

– Ты, может, и не скажешь. А ежели кто-то еще видел, как он к тебе заходил? Я до ветру ночью вышел и то слышал, как твой постоялец кашляет. Или ты думаешь, у нас в деревне что-то скрыть можно? Ты на одном конце кашлянуть не успеешь, а на другом уже скажут, что полные штаны наложил. Так что, Степановна, не обижайся, а твоего постояльца я забрать должен.

– Да ты что, Яков Кузьмич, сдурел, что ли? – старуха перешла в наступление, – тогда давай меня, соседку свою, тоже арестовывай. Проведи меня по селу под дулом винтовки. Думаешь, односельчане тебя зауважают сильно? Или новая власть наградит? Или детям твоим счастье будет? Я ж тебя с самого детства знаю, соседями, почитай, всю жизнь рядом прожили. Дети твои мне как внуки стали. Когда твоя Матрена померла, кто с ними сидел? Кто их воспитывал? Или ты забыл, что они меня бабушкой зовут? Перед ними-то стыдно потом не будет? – старуха перешла на громкий злой шепот.

– Да успокойся ты, Пелагея Степановна! – сосед-полицай, похоже, был уже не рад, что зашел в этот дом. – Все! Ежели что, скажешь, что это сын твоего Николая. Пришел из города. И чтобы это в последний раз было! Не посмотрю, что ты моя соседка.

– Вот и славненько, – голос старухи сразу подобрел, – может, чарочку поднести, Яков Кузьмич?

– Степановна, – невидимый Сашке Яков Кузьмич рассмеялся, – ну ты и лиса! Сама же знаешь, что не пью. Ладно, я пошел. Постояльца из дома днем не выпускай.

Раздались шаги, и скрип двери дал понять об уходе нежданного гостя. Как только дверь за полицаем захлопнулась, Сашка тут же соскочил с печи.

– Куда собрался? – раздался по-прежнему ворчливый голос старухи. – Не спится, что ли?

– Бабушка, мне идти надо, а то подведу я вас, не дай бог из-за меня с вами что-нибудь случится. Вот и сосед не зря заходил! – Сашка принялся взглядом искать свои сапоги.

– Сядь! Куда ты собрался больной? Всю ночь кашлял, как чахоточный. Соседу спать мешал, вот он и пришел проведать, не заболела ли я часом. Куда тебе такому идти? Через день свалишься, трясушка начнется. Отлежись для начала. Потом пойдешь. Пукалку твою я в сарае закопала. Шинель там же.

Хозяйка прошла к сундуку, поковырялась в нем, подняв массивную крышку, и вытащила для Сашки рубаху и почти новые черные штаны. Посмотрела на них с какой-то затаенной материнской тоской:

– Старшего сына моего. Бери, одевай, а твою форму я постираю и на сеновале повешу. Потом с собой заберешь.

– А сын-то ваш не обидится? – Сашке было неловко брать чужие вещи, пусть даже и на время.

– Не обидится, царствие ему небесное, – с грустью ответила старуха и, подойдя к висевшей на стене старой иконе, перекрестилась.

Сашка понял, что с сыном произошло что-то нехорошее, но расспрашивать не стал, чтобы не бередить рану. Было видно, что Степановна, так ее называл полицай, очень переживала эту произошедшую трагедию. Он переоделся и отдал хозяйке свои засаленные, грязные, пропотевшие гимнастерку и галифе.

– На улицу не выходи, не нужно, чтобы тебя кто-то видел. Если по нужде приспичит, вон около печки ведро стоит. Вечером истоплю баню, пропариться тебе нужно. Баня – она любую хворобу вылечит. А пока выпей это, – хозяйка протянула Сашке кружку с горячим травяным отваром, – от кашля поможет. И спи побольше, тебе сейчас это нужно, а то совсемдохлый стал. А я пойду по хозяйству хлопотать. Ежели вдруг, когда меня не будет, кто-то зайдет, то скажешь, что ты сын моего сына Николая. Понятно?

Сашка кивнул головой. Старуха продолжила:

– Звать-то тебя как?

– Сашка. А вас Пелагея Степановна?

– Ишь ты, слышал, значит, разговор с соседом? – старуха покачала головой. – Ну и хорошо, раз слышал. Ты не бойся, Кузьмич – он добрый мужик, не сдаст тебя. Это он больше за меня волнуется, чтобы мне беды не было. Ох, жизнь наша, что она только с людьми-то делает?!

Старуха горестно вздохнула и продолжила:

– Сосед-то мой раньше шепутной был, выпить любил очень. Жена его, Матрена, красавица была, с детьми часто ко мне ночевать прибегала: бил он ее, вот и пряталась у меня. А мне-то что, давно одна живу, что ж ей не помочь-то? А Кузьмич как трезвый – золотые руки. Все у него получается. Добрый, отзывчивый, никогда не откажет. А стоит выпить – совсем другой человек, словно сатана вселяется. В прошлом году, зимой, перепил он, стал Матрену гонять по деревне, избил сильно, хорошо, что я детей спрятать успела. После того она, бедная, помучилась неделю да и померла. Чуть не посадили тогда Кузьмича, да председатель выпросил, детей пожалел, не хотел сиротами делать. Месяц в район ездил, но добился. Выпустили на поруки. С тех пор ни капли в рот не берет, все о детях заботится. Прямо курица-наседка. И за могилкой Матрены ухаживает, постоянно цветы ей туда носит. Стараются прощения у нее вымолить. Да только я знаю, простила она его. Сама мне перед смертью сказала, что зла не держит. Любили они друг друга сильно. Только вот такая странная любовь у них получилась.

А ведь я помню, как они женились, столько счастья в глазах было у Якова, думала тогда, что повезло Матрене, будет как за каменной стеной за таким мужем. А оно вон как обернулось! Как немцы пришли, Кузьмич из-за детей к ним в полицаи и подался, чтобы защитить да сохранить. Переживает он за них очень. Вот ты говоришь – злые они, враги, а у нас с их приходом, почитай, ничего и не поменялось. Председателя колхоза старостой назначили, да и сам колхоз сохранили. Только раньше зерно в район большевикам возили, а теперь немцам. Ладно, заболталась я с тобой, – заторопилась хозяйка. – Ты запомни, ежели спросят, всем говори, что ты Сашка – сын Николая. Приехал ко мне из Гомеля. И все. Молчок. На столе под тряпкой еда, позавтракай, чем бог послал.

Степановна ушла во двор, а Сашка сел за стол, на котором под вышитой заботливыми руками хозяйки большой салфеткой стояла миска с картошкой и квашеной капустой. Завтракая, он принялся с интересом рассматривать дом, куда занесла его судьба. Сейчас, в дневном свете, все выглядело немного иначе, чем во вчерашней полутьме. Небольшая изба была чисто выметена, вдоль стены стояла широкая скамья. В углу, под иконой, расположился большой старинный сундук с резной крышкой. «Наверное, здесь было приданое самой хозяйки», – почему-то подумалось Сашке. Рядом, укрытая цветастой ширмой, находилась двухъярусная деревянная кровать, которую он вчера не заметил. Посередине избы стоял стол. Вот, пожалуй, и все убранство.

На голых стенах висело несколько пожелтевших фотографий. Сашка встал и подошел поближе. На первом снимке был запечатлен высокий бородатый мужчина, сидевший на стуле, сзади него стояла молодая красивая женщина. По обе стороны от мужчины стояли двое мальчиков-погодков. Присмотревшись внимательно, Сашка уловил в чертах женщины сходство с хозяйкой и решил, что это старуха в молодости с мужем и детьми. На других карточках были уже повзрослевшие дети и постаревшие хозяева. Время – самый неумолимый убийца из всех существующих во вселенной. Как ни старайся, что ни делай, но ни остановить, ни замедлить его не получится. Так и сейчас перед глазами Сашки пробежала целая жизнь простой русской семьи, оставшаяся только в памяти да на этих черно-белых карточках.

– Сын это мой, Николай, – раздался сзади ворчливый голос Степановны. Она незаметно подошла и стояла сзади, теребя руками уголок накинутаго на голову платка.

От неожиданности Сашка вздрогнул и испуганно обернулся. Затем спросил у старухи:

– Пелагея Степановна, а это тоже ваш сын? – и указал на портрет другого молодого человека.

Старуха подошла к фотографии и долго смотрела на нее молча, переживая какое-то, только ей одной известное, горе. Затем аккуратно провела рукой по снимку, словно пытаясь приласкать того, кто был на нем запечатлен.

– Сынок мой младшенький, Васька... Василек, – с нежностью в голосе ответила она и тут же повернулась к Сашке, и привычно ворчливо сказала: – Чего на холодном полу босой стоишь? А ну-ка марш на печку, я же тебе велела спать весь день. Только погоду, еще отвару выпей.

Сашка выпил полную кружку горького напитка и забрался на печь. Спать не хотелось. Впервые за несколько месяцев у него появилось время, когда не нужно спешить, бежать, стрелять, прятаться и, самое главное, не нужно бояться. На душе было легко и спокойно. Он лежал, прикрыв глаза, и вспоминал последние события, произошедшие с ним, пытаясь связать все в одну общую картину.

## Глава 2

Сашке только стукнуло тринадцать лет, как забрали отца. Из района прислали план по раскулачиванию, в тот же день председатель колхоза собрал всех жителей на собрание. Наступила весна, и время в деревне было горячее, нужно было успеть засеять все поля. Вначале обсудили вопросы посевной, затем председатель встал, снял шапку и обратился ко всем. Он объяснил, что если никого не вышлют, то приедет комиссия из НКВД, и тогда уж многим будет несдобровать, могут припомнить все старые грехи, ведь с органами у нас шутки плохи, а то, что у них в деревне один беднее другого, и слушать не будут. Поэтому нужно найти того, кто пострадает за народ.

Долго шумели мужики – и ругались друг с другом, и кричали, и обиды старые припоминали, а к позднему вечеру решили, что надо назначить кулаком Сашкиного отца Михася. Хотя какой он кулак, даже коровы не было! Из всего хозяйства старая коза да пяток куриц. И в первую деревенскую коммуны отец, вернувшийся после Октябрьского переворота прямо с фронта, вступил одним из первых, чтобы хоть как-то прокормить семью в начавшиеся тяжелые годы. А потом пришли немцы, похозяйничали годик, пограбили и сбежали домой после начавшейся собственной революции, уступив место полякам. Те резво взялись за дело, до сих пор местные жители вспоминают их с дрожью в голосе. Отец при немцах и поляках воевал в партизанском отряде, правда, он не очень любил вспоминать то время. И как потом Сашка ни старался выпрашивать отца, тот только молчал или отшучивался.

Знали ли про все это деревенские мужики? Конечно, знали. У самих страшная нищета да партизанское прошлое. Не сломилось Полесье в грозные годы немецкой и польской оккупации. Сашке повезло, он родился уже после того, как поляки отступили, оставив разграбленные деревни да многочисленные виселицы. И только началось возрождение, только люди успели почувствовать себя хозяевами кровно выстраданной земли, как пришла новая напасть – колхозы. Попытались сопротивляться, но советская власть сразу дала понять, что шутить не будет, вот и пошли всем гуртом записываться в новую жизнь. Только самые отчаянные остались на хуторах около своей земли, но незавидна была их судьба. Не любила новая власть единоличников, в каждом из них видела врага. И понеслись товарные поезда с выселенцами в Сибирь. Конечно, Сашка, воспитанный в любви и верности к советской власти, не знал про это. Ведь, как ему говорили, он жил в самой счастливой стране в мире. Привыкший с пеленок к тяжелому крестьянскому труду, он даже не задумывался, что где-то люди могут жить лучше.

Но решили мужики на собрании, что у каждого из них семеро по лавкам, а у Михася всего один сын, вот пусть и пострадает Михась за них, за своих односельчан. А уж они в долгу не останутся и жену его Прасковью с сыном в обиду не дадут, будут о них заботиться, пока сам Михась не вернется. С тем и обратились они к Сашкиному отцу. Тот долго отнекивался. Бросать любимых жену с сыном, ехать в чужую, далекую и холодную Сибирь совсем не хотелось. Но пришли мужики и молча встали перед домом на колени, так и стояли три дня и три ночи, сменяя один другого, под палящим солнцем и проливным дождем.

Трое суток не спал Михась, все думы думал, пуская в потолок кольца табачного дыма. Наконец, вышел к мужикам и махнул рукой – мол, согласен. Всей деревней собрали его в дорогу, посадили на телегу и отправили в райцентр вместе с приехавшим милиционером. Помнил Сашка, как рыдала мать, как обнимал ее отец на прощание. И Сашке было очень жалко, что отец уезжает, оставляя их, а с другой стороны, он считал своего отца декабристом, который, спасая своих сельчан, уезжает в сибирские студеные земли. Напоследок отец крепко обнял сына. Казалось, прошло уже столько времени, а Сашка до сих пор помнит тепло этого объятия.

«Сынок, расти большой и береги маму. Я скоро приеду, ждите меня!» – это были его прощальные слова. Отца увезли, и больше ни писем, ни сообщений о нем не было. Словно был

человек и пропал. Мать несколько раз ходила в район узнать о судьбе Михася, под ее диктовку Сашка написал несколько писем в областное и республиканское управления НКВД, но ни на одно из этих посланий ответа так и не последовало. Вот и жили они одной верой, год за годом, что скоро отец вернется. Другого, увы, не оставалось. Только ждать и верить.

А у односельчан память оказалась намного короче. Лишь увезли Михася, как тут же забыли о своих обещаниях да клятвах, словно их и не было. Так и остались Сашка с матерью вдвоем. Когда отца увезли, через две недели выяснилось, что мать беременна. «Успел-таки Михась напоследок», – смеялись в деревне. И только им вдвоем было не до смеха. Сашка старался брать на себя больше работы, чтобы как можно сильнее помочь маме. Хотел даже перестать ходить в школу, но мать воспротивилась:

– Учиться, сынок, тебе нужно, годы-то ведь потом не вернешь! Скоро отец вернется, и все будет хорошо. Не переживай, справимся пока сами.

И Сашка старался все успеть. После школы бежал домой помогать по хозяйству. Мать с утра до ночи работала в колхозе, получая жалкие трудодни в толстую тетрадь, чтобы хоть как-то прокормить их двоих и выучить сына. Вот и пришлось Сашке взвалить на свои худенькие мальчишеские плечи всю тяжесть хозяйства. А на уроки время оставалось только по вечерам, так и сидел, сгорбившись, под слеповатым светом лучины, положив тетрадь на коленки.

А однажды случилось несчастье. Сашка утром ушел в школу, мать днем прибежала с поля на обед и уже собиралась идти обратно, как вдруг почувствовала себя плохо – то ли от усталости, то ли от постоянного недоедания, но закружилась голова, и она как стояла, так и осела около стола, стараясь прийти в себя. Ребенок, словно почувствовав опасность, стал биться изнутри. И вроде только отпустило, как влетел в хату бригадир, Порфирий Голуб, здоровенный мужик с огромными кулаками. А время стояло горячее, осеннее, шла уборка урожая, и каждый человек был на счету, тем более надвигались дожди, так что время очень сильно поджимало. Не застав Прасковью на поле, бригадир рванул к ней домой, по дороге накручивая себя все больше и больше. И ворвавшись в хату, увидев сидевшую около стола женщину, не разобравшись, схватил ее за волосы и, ругаясь, потащил на улицу. Но не рассчитал немного, выталкивая через дверь, в результате Прасковья сильно ударилась животом о косяк, да так, что потеряла сознание от боли.

Взбешенный бригадир, казалось, этого и не заметил. Выволок ее во двор, бросил на землю и вернулся в дом, где взял полное ведро воды и вылил на мать, приводя ее в чувство, а затем заставил идти в поле. И там, в поле, родила Прасковья мертвую девочку. Зарыдала, положила труп ребенка в подол и пошла хоронить на кладбище: хорошо, что сосед-плотник пособил с гробом. Сашка помнит этот маленький деревянный гробик. Они несли его вдвоем с мамой. Гробик был очень легкий, как будто пустой.

После этого случая мать стала очень замкнутой, нелюдимой. Сашка видел, как она еще долго отворачивалась со слезами в глазах, увидев маленьких детей. Но кто ее тогда ударил, так Сашке и не сказала. Он сам узнал это потом от сельчан. В деревне ведь невозможно ничего утаить. Люто возненавидел он Порфирия из-за убитой сестрички, стал вынашивать планы мести, но мать, словно почуяв неладное, остановила его.

– Не надо, сынок! Ради Христа, ради меня прошу, не делай этого, – однажды вечером сказала она ему, заметив злую решительность в глазах, – Боженька все видит. Он сам накажет. А ты не смей, не бери грех на душу. Ты у меня один остался. Если с тобой что случится, я не переживу, – после этого прижала Сашку к себе и заплакала.

В тот вечер он пообещал себе никогда не вредить маме. И хотя злость к бригадиру осталась, но пришлось взять себя в руки и ничем ее больше не выдавать. А потом прошло время, и горечь утраты понемногу улеглась, но Порфирий, встречая Сашку, старался не встречаться с ним взглядом. Наверное, что-то человеческое еще оставалось в его душе.



После окончания школы Сашка успел почти год проработать в колхозе. Жить им с матерью стало гораздо легче, ведь теперь оба получали трудовни. И уже можно было себе кое-что позволить большее, хотя бы по праздникам. От отца вестей по-прежнему не было, но они старались не отчаиваться и продолжали верить в его возвращение. Тем более в район уже возвратилось несколько человек, отсидевших за кулачество. Они ходили к ним в надежде узнать что-то про Михася, но безрезультатно.

## Глава 3

Наступали тревожные времена. В воздухе витала угроза, надвигающаяся с запада. Произошел очередной раздел Польши. На этот раз ее поделили между собой Германия и Советский Союз, наконец-то вернувший свои потерянные почти два десятка лет назад земли. К тому же в состав СССР были включены страны Прибалтики: Литва, Латвия и Эстония, а также Молдавия. На западе только Англия, пользуясь своей островной недосыгаемостью, продолжала сопротивляться Германии, остальная Европа пала под мощью немецкого сапога. И хотя СССР и Германия заключили договор о ненападении, все же нехорошие слухи продолжали будоражить умы жителей.

В середине весны, когда снег уже успел растаять, а на полях зазеленели озимые и ранние одуванчики зажелтели своими солнечными головками, из военкомата пришла повестка, и Сашка стал собираться в армию. Он хорошо запомнил проводы. Вместе с ним уходило еще несколько человек из их деревни, и председатель колхоза устроил небольшой митинг, на котором было сказано много хороших напутственных слов. Выступали односельчане, наказывали молодым призывникам служить честно, не срамить свою деревню, с гордостью носить звание красноармейца и в случае чего показать врагу, кто хозяин на этой земле. Напоследок им вручили по большому письменному набору, чтобы на службе не забывали своих родных и чаще им писали. После слезных прощаний призывников посадили на телегу, которая повезла их в райцентр. Сашка еще долго видел в толпе мать, вытирающую слезы краешком платка. «Береги себя, сынок!» – на прощание сказала она.

В районном военкомате всех новобранцев построили, и военные начали подбирать молодых солдат в свои части. Соседи уходили кто куда: кто в артиллеристы, кто в зенитчики. Сашкиного товарища Матвея Ковальчука забрали в стрелковый полк, квартировавший, по слухам, на западной границе в районе Бреста. Разобрали уже почти всех, а Сашка продолжал стоять, все больше опуская голову от стыда. Невысокого роста, худой, с мальчишеским лицом, он больше походил на школьника, чем на призывника. Вот и обходили его стороной бывалые вояки: кому нужен такой недоросль? Но вот около Сашки остановился невысокий пожилой капитан с орденом Красной Звезды на груди. Постоял, внимательно рассматривая новобранца с его мозолистыми руками. Затем мягким голосом спросил:

– Знаешь, кто такие саперы?

– Это те, кто разминировать умеют? – неуверенно произнес Сашка.

– Не только, – засмеялся капитан. – Это те, на ком держится армия. Кто при наступлении впереди, а при отступлении позади всех. Самые работающие из всех солдат. Ты, я вижу, к работе приучен, – он кивнул на Сашкины руки, – пойдешь ко мне?

– Пойду! – не задумываясь ответил Сашка. Он боялся, что капитан передумает и пойдет дальше.

– Ух, какой резвый! Этого ко мне, – сказал он сержанту, составлявшему списки распределения призывников по командам.

Так Сашка попал в недавно образованный 52-й отдельный саперный батальон, входящий в состав 65-го Мозырского укрепрайона. Команду, в которую его зачислили, посадили в машину, и та, громко урча двигателем, повезла их к новой армейской жизни, в столицу белорусского Полесья город Мозырь, уютно раскинувшийся среди крутых холмов на берегу величавой, спокойной, как сами жители Полесья, Припяти.

Служба началась интересная, хоть и тяжелая. Но, с другой стороны, к такой жизни не привыкать, а когда она была для него легкой? Наверное, только тогда, когда лежал спеленутым младенцем в люльке и ни о чем не думал. А так, сколько себя помнил, все время приходилось работать.

Рано утром поднимали на зарядку. Пробежка в несколько километров, затем разминка и только потом умывание и завтрак. Некоторые молодые солдаты, не носившие раньше сапоги с портянками, в первые же дни стерли ноги в кровь и сейчас выделялись среди остальных своей хромающей походкой. Сашка сам надел сапоги только в старшем классе. До этого носил летом лапти с онучами, зимой – валенки. Но наматывать портянки научился добросовестно, свой период кровавых мозолей у него прошел еще до армии. Наверное, каждый, кто когда-нибудь носил сапоги с портянками, прошел через это. Только собственными стертymi ногами приходилось приобретать опыт в правильной намотке. Еще в армии Сашке понравилась кормежка. Каждый день давали мясо, а вот дома баловали им себя только по праздникам. А здесь, в армии, красотища: густая наваристая каша с большими кусками свинины или говядины. Да и щи не пустые, к каким он привык дома, а настоящие, густые, на мясном бульоне. «Этак и раскабанеть можно будет за службу», – с удовольствием думал он.

До и после обеда были занятия. Изучали саперное дело досконально. Правда, пока больше приходилось рыть окопы да строить различные укрытия. Командир батальона, тот самый капитан, который встретился Сашке на призывном пункте, никому спуска не давал. Несмотря на тихий спокойный голос, требовать умел.

– Тяжело в учении – легко в бою! – любил повторять он известную фразу Суворова. – Для того чтобы научиться что-то хорошо делать, нужно самому кубометры земли выкопать да гектары леса срубить. Так что лениться некогда. Помните, что вы элита войск!

Однако такая учебная жизнь продолжалась недолго. Через месяц в торжественной обстановке приняли присягу, и в тот же день их, молодых солдат, отправили на западную границу, где в спешке возводилась новая оборонительная линия. Батальон, в котором Сашка проходил службу, участвовал в строительстве дотов (долговременных огневых точек) в районе деревни Орля севернее Бреста еще с лета 1940 года. Как и на любом грандиозном строительстве, рабочих рук, конечно, не хватало, вот и пришлось срочно отправлять на стройку недоучившееся пополнение. «Ничего, в процессе работ научатся», – решило большое армейское начальство, и молодые неопытные солдаты были брошены в трудовой бой.

Строительство велось вдоль русла реки Западный Буг, всего в нескольких километрах от границы, и Сашке частенько приходилось видеть пограничников, вызывающих у него чувство зависти своими зелеными фуражками. Работали с утра до ночи без выходных. Иногда разбивались на бригады и работали даже по ночам при свете костров. Кормить сразу стали хуже. На обед – жидкий суп с волокнами редкого мяса и вяленая рыба. Но никто не ныл, не стонал. Все понимали, что обстановка между двумя великими соседями накаляется. Иногда со стороны Польши появлялись немецкие самолеты с крестами на фюзеляжах. Почему-то их не сбивали, и они спокойно продолжали кружить над советской территорией, пока не появлялись краснозвездные истребители и не отгоняли непрошенных гостей назад.

В эти моменты работа замирала. Было приказано при появлении самолетов прятаться, ничем не выдавая себя. Только тогда над одной большой стройкой заступало затишье. Люди переводили дух, лежа в недостроенных блиндажах, окопах, дотах, чтобы через какое-то время с новой силой взяться за продолжение этой такой нужной, но очень изнуряющей работы. Рядом с Сашкиным батальоном работали и другие саперные подразделения, прибывшие на границу со всего Советского Союза. Кроме них на стройку приехало много комсомольских рабочих бригад, так что со стороны стройка напоминала большой муравейник. Здесь Сашка впервые увидел коренастых невысоких и молчаливых сибиряков, а также шумных, похожих друг на друга, как две капли воды, жителей Средней Азии, плохо говорящих по-русски. Задача батальона была проста: копать, пилить, таскать, месить бетон и помогать специалистам, осуществляющим возведение неприступных объектов.

Командир батальона капитан Пономарев еще больше похудел, глаза впали от постоянного недосыпа, но тем не менее он не терял оптимизма, заряжая своим спокойным энтузи-

азмом подчиненных. Комбат всегда был на виду, то показывая, как нужно мешать раствор, правильно ставить арматуру или маскировать бруствер только что вырытой траншеи, то сопровождая высокое армейское начальство, зачастившее с постоянными инспекциями, то доказывая что-то артиллеристам, начавшим устанавливать орудия в некоторых дотах (потом из них велась пристрелка секторов обстрела, поначалу пугавшая Сашку до дрожи в коленях).

Однажды в субботу вечером Пономарев встретил Сашку:

– О, Цагельник! Хорошо, что ты мне попался. Косу в руках держишь хорошо?

– Так точно, товарищ капитан, косить умею, – ответил Сашка, недоумевая, зачем сейчас понадобилась коса. Но его дело маленькое, поэтому лишних вопросов задавать не стал.

– Это хорошо, – задумчиво сказал комбат. – Значит, сейчас идешь к ротному и говоришь ему, что согласно моему приказу ты завтра утром поступаешь в распоряжение пограничников местной заставы. Твоя задача – встать пораньше и скосить камыш вон у того затона, – он показал рукой на небольшой лужок, находящийся метрах в пятистах от них. – Спецы говорят, что уж очень высокий камыш там вырос, мешает им сектор для пулемета нормально закрыть. Поэтому сегодня после ужина на работу не выходишь, сразу идешь спать, а ротный пусть зайдет ко мне за пропуском для тебя. Как-никак пограничная зона, никого без сопровождения туда не пускают, сам знаешь. Завтра в три часа утра за тобой зайдет сопровождающий. Понятно?

– Так точно, товарищ капитан, – ответил Сашка по уставу.

– Ну, вот и ладненько. Не забудь зайти к старшине, пусть косу даст. Только скажи ему, пусть не жадничает, а даст хорошую, какую сам правил. А то знаю я этого старого жмота, всучит тебе самую тупую, будешь потом мучиться.

– Не переживайте, товарищ капитан, все сделаю. А косу я и сам могу поправить и наточить, я умею.

– Брусок с собой тоже возьми, камыш тяжелый, точить часто придется. До восьми утра чтобы управился, с утра в дальнем доте начнут уже пулемет устанавливать, им пристрелку нужно будет провести. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ капитан!

– Ну, если нет, то марш выполнять!

Сашка козырнул, повернулся кругом, как учили, и помчался искать ротного.

Косить он умел и любил это делать. Разве можно было не любить этот потрясающе-пьянящий запах свежескошенной травы, такой душистый и волшебно спокойный одновременно. Отец еще с самого детства брал Сашку с собой на покос, и там, еще совсем мальчишкой, он постигал тайну этого нелегкого ремесла. Правда, камыш раньше косить не приходилось, но ничего, он обязательно справится.

Так думал Сашка, отправляясь после нехитрого армейского ужина в палатку спать, перед этим предупредив дневального, что за ним придут в три ночи, и положив выданный пропуск в карман гимнастерки. Все ушли на работу, а он, как король, лежал в палатке один, думая о завтрашнем дне. Долго ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть, но организм, приученный жить по жесткому армейскому распорядку, отказывался подарить ему ранний сон. Так и валялся на кровати, пока не пришли с работы остальные товарищи и по лагерю не был объявлен отбой.

## Глава 4

Было еще совсем темно, когда кто-то стал трясти Сашку за плечо. Спросонья он вначале даже не понял, что произошло и где он находится.

– Ты Цагельник? – раздался громкий шепот над ухом.

– Ага!

– Тогда вставай, я за тобой.

– Хорошо, встаю, – Сашка сел на кровати, протер сонные глаза и стал надевать форму. Через минуту он уже вышел из палатки, направляясь с пограничником к дневальному, чтобы забрать оставленные там на хранение косу и точильный брусок.

– Меня Федя зовут, – представился невысокий коренастый пограничник, нарушив тишину, когда они, перепрыгнув через вырытые траншеи, прошли мимо построенного, но не оборудованного до конца дота и двинулись по луку к камышам. – Я с Урала, деревня у нас называется Мысы, это около Шадринска. Слышал про такой город?

– Не-а, не слышал, – в ответ сказал Сашка, – а я Саша, сам из Белоруссии буду, с Полесья, тут не очень далеко.

– Давно служишь? – Федор ловко обходил кочки и высокую траву, хотя небо только-только начинало сереть на востоке, и Сашка все время спотыкался, так как ему было плохо видно, что делается под ногами.

– С весны этого года, – не стал он лукавить.

– А я так с 39-го. В сентябре ушел, через неделю после старшего брата Дмитрия. Так его в Хабаровск направили, а меня вот сюда, на границу. Обещали в конце лета демобилизовать, дома еще ни разу не был, уже по братьям да сестрам соскучился очень. И папка с мамкой заждались. Нас пятеро братьев и две сестры. А служим пока мы с Димкой, – даже в темноте было видно, что Федор улыбается. – Эх, люблю я такое время, утреннее, мы в детстве с ребятами часто на озеро бегали по утрам. Тогда самый клев. У нас озеро рядом с деревней большое, правда, название страшное: Могильное. Это потому что вода черная, прямо как земля на кладбище.

Так, переговариваясь, они дошли до нужного места. Заря быстро заполняла небо, прогоняя темноту на запад и обещая очередной жаркий летний день.

– Пришли, – Федор остановился, – вот этот камыш. Здоровый вырос, выше человеческого роста, там внутри ондатры живут, так что ты не пугайся, если что. Ты коси, а я рядом посижу.

Он сел прямо на траву, поставив винтовку между ног и обняв ее двумя руками. Сашка привычным жестом поставил косу, уперев ее древком в землю, и, пробуя пальцем, аккуратно ее проверил. Коса была хорошо отбита и остро наточена, он видел это вчера, но не преминул еще раз испытать наслаждение от прикосновения к хорошему инструменту, настраиваясь на работу. Взглянув на стебли, Сашка размахнулся и принялся за работу. Камыш хрустел, оставляя после себя короткие срезанные палки, которые приходилось переступать, под ногами чавкала болотная жижа, но дело спорилось. Косить толстые стволы было тяжело, быстро вспотела спина, Сашка сбросил гимнастерку, оставшись в белой рубашке. Он полностью ушел в работу, растворяясь в покосе, как любил это делать раньше. Вот только запах камыша был совсем другой, болотистый, не такой дурмящий, как у сочной травы. Коса быстро затупилась, и он, делая небольшой перерыв, принялся точить ее. Легким мягким звоном отозвалось железо на прикосновение точильного бруска. Уверенными размашистыми движениями Сашка проводил им по лезвию, придавая косе прежнюю остроту.

– Федор, сколько времени? – спросил он пограничника, пытаясь понять, какой темп ему нужно держать, чтобы успеть к восьми часам, как было обещано комбату.



– Четыре часа пятнадцать минут, – ответил тот, пристально вглядываясь в циферблат часов.

Внезапно что-то произошло. Раздался гром, и с той стороны границы у них над головой, свистя, пронеслись какие-то темные предметы, а через несколько секунд в лагере, откуда они недавно пришли, раздались сильные взрывы. Вверх взметнулись пламя, куски палаток, человеческих тел, какие-то переломанные жерди, клубы дыма. Одновременно загрохотало вдоль всей реки, словно сильнейшая гроза накрыла безоблачное светлеющее небо. Вся граница ожила, наполнилась разрывами, огнем, дымом. В небе появились ровные ряды мерно плывущих самолетов, которые, тяжело гудя моторами, ушли в глубь советской территории. Федор вскочил и принялся дрожащими руками перезаряжать винтовку.

– Так-то, похоже, опять провокация, – крикнул он Сашке, – только какая-то очень сильная на этот раз.

Со стороны реки, где находились пограничные дозоры, стали раздаваться частые винтовочные и пулеметные выстрелы, разрывы гранат. Сашка замер, как и Федор, он продолжал крутить головой то в сторону реки, то в сторону пылающего лагеря, не зная, что делать.

– Стой здесь, никуда не ходи, я сейчас! – крикнул Федор и бросился к реке.

Сашка кивнул. Куда ему еще деваться? Так и остался стоять на недокошенном лугу, нервно сжимая косу и пытаясь понять, что происходит. Там, где совсем недавно стояли палатки батальона, полыхало пламя и раздавались взрывы, между которыми метались полуголые люди. Отсюда, издалека, это казалось чем-то нереальным, как в кино, которое по субботам им крутили после ужина. Война уже кипела спереди и сзади, а Сашка еще находился на маленьком островке безопасности, где не свистели пули и не рвались снаряды.

Он уже решил бежать туда, в лагерь, ведь там сейчас нужна помощь. Взрывы еще не пугали его своей жестокой разрушительной силой, пока только сильным звуком. Казалось, что все это не наяву, что произошла какая-то ошибка и вот-вот все закончится. «Ведь сегодня же воскресенье», – вдруг мелькнула в голове простая мысль, и на смену ей тут же пришла другая: «А может, это учения начались, про которые постоянно говорили? И можно ли сейчас ему бежать, ведь за него отвечает пограничник Федор? Если Сашка убежит, то не достанется ли потом на орехи этому хорошему парню?» От растерянности мысли путались, сплетались клубком, не давая сосредоточиться.

Вдруг, пригибаясь, из камыша выскочил Федор.

– Быстрее, бежим! – взволнованно крикнул он. – Там немцы! Их много! На лодках переправляются! Сейчас будут здесь! Черт! Мне на заставу нужно! Предупредить!

Федор посмотрел в сторону заставы, над которой поднимались клубы дыма, как и над лагерем саперного батальона, все вокруг грохотало. Бежать туда сейчас – это верное самоубийство. А куда? С минуты на минуту на этой поляне появятся нарушители границы. Пробравшись к реке, он видел, как немцы с того берега минами забросали дозорных, вступивших с ними в неравный бой. Что он может сделать сейчас на этом лугу со своей винтовкой и двумя магазинами патронов? Куда бежать? С одной стороны – враги, с другой – взрывы. Вдруг молнией мелькнула мысль: «Доты! Конечно! Скорее туда, под прикрытие бетонных стен! А там как-нибудь и на заставу можно будет попасть, когда немного поутихнет».

– Сашка, быстрее, бежим! – еще раз крикнул Федор, бросаясь к спасительной бетонной коробке, мимо которой они прошли не очень давно, направляясь на этот покос.

Сашка, подхватив в одну руку снятую гимнастерку, а в другую косу, побежал за ним.

– Косу брось, на кой она тебе?! – рявкнул Федор, обернувшись.

– Не могу, мне ее старшина выдал. Это батальонное имущество. Если потеряю, худо будет, – Сашка еще не осознавал происходящего.

Они неслись обратно через луг, по которому всего час назад шли, спокойно разговаривая. Быстро бежать мешала трава, дыхание сбивалось, но, задыхаясь, они продолжали свой путь.

Останавливаться или снизить скорость было просто страшно. Вот он, серый железобетонный дот, своими бойницами грозно смотрящий на них, растерянных и испуганных. С другой стороны, от лагеря, прорвавшись через плотную стену снарядов, к нему бежало еще несколько вооруженных людей. «Наверное, из obsługi», – мелькнуло у Сашки в голове. К массивной двери подбежали почти одновременно.

– Кто такие? – крикнул им младший лейтенант в новенькой с иголки форме, видимо, из тех выпускников военных училищ, кто прибыл сюда всего три дня назад. Не дождавшись ответа, он добавил: – Скорее вовнутрь, убьет на хрен!

Сашка попытался затащить косу через дверной проем, но младший лейтенант заорал: «Косу брось, придурок!», и Сашка швырнул инструмент на землю, все еще думая, что же скажет старшина, а потом вслед за остальными заскочил в дот. Теперь все стояли у стенки, пытаются отдышаться. Никто не знал, что делать дальше.

– Товарищ младший лейтенант, – задыхаясь, начал Федор, – там немцы. Переправляются на наш берег на резиновых лодках. Наш дозор вступил с ними в бой. Я вот его, – он кивнул на Сашку, – сопровождал, когда все началось. Он должен был камыш выкосить. Когда стрелять стали, я к реке бросился, а там все в лодках. Дозорных, похоже, накрыло. Я не успел проверить, немцы стали стрелять из автоматов, я и побежал. Так-то мне на заставу надо сообщить о нарушителях.

– На заставу сейчас не пробиться, сам видишь, что делается. Пока поступаешь в мое распоряжение. Это приказ! – сказал младший лейтенант и стал считать всех, кто сейчас находился рядом. Кроме Сашки и Федора, в дот прибежали пять человек.

– Емельянов, – крикнул он высокому худому сержанту, – высунься наружу и, если кто еще будет сюда бежать из наших, пропусти. Может быть, кто-то еще пробился.

Потом он позвал: «Пивоваров!», и вперед шагнул невысокий полноватый красноармеец без пилотки с обгоревшими волосами. Ему был дан приказ наблюдать в перископ за полем около речки. Быстро пересчитали принесенные с собой запасы: четыре винтовки, пистолет с двумя полными магазинами, один ящик с патронами и парочка пустых пулеметных лент. Правда, в доте оказался один встроенный и готовый к бою пулемет, новый, весь в смазке, вот только воды не было в кожухе. Другой, точно такой же, лежал в ящике, его должны были установить сегодня. Больше в укрытии ничего не было.

– Не густо, – подвел итог младший лейтенант. – Вода есть у кого-нибудь? – он с грустной надеждой посмотрел на полуголых солдат, прорвавшихся вместе с ним через этот крошечный ад.

– У меня есть, – сказал Сашка, снимая флягу с ремня, – она почти полная, я только пару глотков отпил, когда косил.

– И у меня есть, полная, – сразу за ним ответил Федор, – не успел даже глотка сделать.

Младший лейтенант сразу повеселел:

– Ну, молодцы! Значит, повезло нам с вами. Воду в пулемет, только аккуратно, не расплескайте. Ну вот, ребятки, – обратился он к солдатам. – Значит, есть праздник на нашей улице! – и уже серьезным голосом добавил: – Занять оборону, подготовиться к бою! Пограничник, вот твое место, – он показал Федору на бойницу, – спрашивать, как стреляешь, не буду. Уверен, что метко.

– Так точно, – Федор принялся устраивать винтовку для стрельбы.

– А ты винтовку держать умеешь? – обратился командир к Сашке.

– Один раз держал, когда присягу принимал.

– Понятно. Будешь подносить патроны и забивать пулеметные ленты. Чижов, – он повернулся к белокрысому солдату в нижнем белье и в сапогах, – покажи бойцу, как патроны в ленту вставлять нужно. И скорее готовь пулемет.

Поспешно стали занимать позиции, на лицах солдат появилась суровая сосредоточенность. Все молчали, пытаясь понять, что же сейчас происходит? Но никто не решался спросить об этом младшего лейтенанта, командира их маленькой крепости. Наконец один солдат не выдержал:

– Товарищ младший лейтенант, это война? – спросил он испуганным голосом.

Командир молча выпрямился и внимательно посмотрел в лица окружавших его бойцов:

– Отставить панику. Думаю, что это просто провокация. Но даже если это война, то мы должны продержаться здесь до прихода главных сил и не пустить врага в глубь нашей территории. Наша задача – не дать нарушителям пройти дальше и подобраться с фланга к доту лейтенанта Веселова. Задача ясна? – и, не дождавшись ответа, добавил: – Ну, если ясна, то будем ее выполнять.

– Товарищ младший лейтенант, – раздался взволнованный голос Пивоварова, – немцы!

– Где? – командир бросился к перископу, отталкивая бойца, прилип к окуляру и через мгновение приказал: – Пивоваров! Емельянова вовнутрь! Срочно! Дверь закрыть!

Через секунду в дверь влетел сержант и стал закрывать дверь, вращая рукоятку запора:

– Товарищ младший лейтенант, больше никого нет. Заметил только, что командир роты лейтенант Веселов с группой около десяти человек успел добежать до своего большого дота. Аникян к нам бежал, да в него снаряд попал, на куски разорвало, – с горечью в голосе закончил сержант.

– В траншеях кто-нибудь есть? – спросил лейтенант, глядя в окуляр перископа.

– Никого не видел, – тихо ответил Емельянов, набивая винтовочную обойму патронами.

– Плохо. Значит, прикрывать нас некому, – заметил младший лейтенант. – Ну, ничего, продержимся как-нибудь. Скоро наши придут, все будет хорошо, – закончил он более оптимистично и снова прилип к окуляру.

Белобрысый солдат уже заканчивал набивать ленту, Сашка, глядя на него, возился с другой, хотя получалось у него не так скоро, как у его наставника. Наконец, первая лента была готова, и Чижов кинулся заправлять ее в пулемет. Пока он возился, Сашка закончил набивать другую ленту и положил ее на ящик. В доте наступила тишина. Все, волнуясь, ожидали команды.

– Ишь как идут, – негромко сказал Чижов, рассматривая немцев в прицел.

– Можно мне глянуть? – Сашка подошел к пулемету.

– Глянь, только быстро, – ответил белобрысый, отстранившись немного от оружия.

Сашка припал к прицелу. Первое, что он увидел в маленькое отверстие, был луг, по которому цепью, не спеша, держа автоматы сбоку, шли какие-то люди в темно-серой форме и с касками на головах. Шли открыто, совершенно не боясь. Наверное, были уверены, что после такого артиллерийского налета вряд ли кто-то вообще остался здесь живой. Сашка внимательно рассматривал немцев, раньше он их никогда не видел, и сейчас ему было интересно все: форма, оружие, необычного вида каски. Словно мальчишкой он попал на детскую игру в «войнушку», когда они с ребятами делились на две команды и одни были «белые», а вторые «красные». Белым быть никто не хотел, приходилось выбирать по жребии. А вот красными мечтали быть все. И в своих детских мечтах он часто представлял себя с шашкой в руках, мчащегося на вороном коне навстречу врагам. Рядом реяло красное знамя, и он размахивал своим сверкающим оружием, готовясь срубить головы подлым врагам, которые бежали, испугавшись одного грозного вида красной конницы.

Но здесь были не сон и не игра. По лугу, приближаясь к ним, шли вполне осязаемые люди, которые сами вступили на их землю со своими нехорошими замыслами и которые уже успели оросить ее кровью первых невинных жертв.

– Все, посмотрел и хватит, еще насмотришься, – отодвинул его Чижов, стараясь удобно расположиться за пулеметом. – Как только ленту расстреляю, сразу подавай вторую, а эту начинай набивать снова. Понятно?

Сашка кивнул. Что ж тут непонятного?

– Приготовиться! – раздался взволнованный голос их командира. – Чижов, стрелять только короткими очередями. И всех касается: берегите патроны, бить только наверняка.

Он поднял правую руку, не отрывая глаза от окуляра:

– По злостным нарушителям границы Союза Советских Социалистических Республик... – и, выждав несколько секунд паузы, резко махнул рукой вниз: – Огонь!

Тотчас ожил пулемет, коротким лаем заполнив все пространство дота, в унисон ему стали раздаваться винтовочные выстрелы. Вдалеке серые фигуры врага стали падать на землю, и некоторые больше не поднялись. Немцы стали атаковать оборонявшихся, стараясь мелкими перебежками приблизиться к укрытию. Но тут выручили соседи, помогая отсечь немцев, стремившихся зайти во фланг. В свою очередь, им тоже помогали, выбивая врагов, желающих подобраться к большому доту поближе.

Поняв, что просто так взять пусть и недостроенные, но хорошо укрепленные бетонные коробки не получится, немцы откатились назад, оставив лежать на лугу убитых и раненых. Небольшой гарнизон маленькой крепости с облегчением вздохнул. Первая атака была отбита. На лицах людей проступили улыбки: а все-таки можно бить вероломного врага! Наступила небольшая пауза, можно было передохнуть, вытереть пот со лба. Но отдыхать не получалось, нужно было готовиться к следующей атаке. Сашка спешно набивал пустую ленту, стоя на коленях около ящика. Новые блестящие патроны послушно занимали свои места, тускло отсвечивая пулями, которые совсем скоро погонятся за чужими жизнями в стремлении поразить как можно больше людей и превратить их в мертвые тела.

Но об этом Сашка сейчас не думал. Там, за стеной, враг, который подло и вероломно вторгся на их землю и уже несет с собой разрушения и смерть. И сейчас их задача – не дать ему пройти дальше, заставить остановиться, забуксовать, пока не появится наша армия и не прогонит назад за реку. Откуда Сашке, да и другим, было знать, что на подавление пограничных участков немцы отводили всего тридцать минут. Обтекая заставы и укрепленные пункты, оказавшие сопротивление, по захваченным в целостности мостам мощная армада рванула в глубь страны, стремясь как можно скорее выйти в район Минска и окружить побольше советских войск, чтобы открыть себе дальнейшую спокойную дорогу на Москву.

## Глава 5

Внезапно раздался громкий пронизывающий звук, и первый снаряд разорвался перед дотом, затем воздух снаружи заполнился нескончаемым воем, свистом и разрывами. Немцы, получив отпор, решили с помощью артиллерии разобраться с укреплениями, ставшими как кость в горле для штурмовых групп. Земля около маленькой бетонной крепости покрылась множеством воронок, иногда снаряды попадали прямо в стены, выбивая снопы искр и заставляя всю конструкцию тяжело ухаты, принимая сильный удар. Одним из прямых попаданий снесло перископ, лишив младшего лейтенанта возможности самому видеть то, что творится вокруг. Внутри дота поднималась пыль, куски бетона, отлетая от стен, ранили защитников, оставляя кровавые следы на незакрытых участках тел.

Вскоре последовала вторая атака. Ее также отбили, добавив к лежащим на лугу телам новых убитых. Затем опять последовал сильный артобстрел. Немцы словно осатанели, решив во что бы то ни стало покончить с непокорными укреплениями. Около дота Веселова показались танки, которые почти в упор били по бойницам, но два из них вскоре запылали черными чадающими факелами, подбитые защитниками. Остальные побоялись подобной участи и отползли подальше, продолжая уже издали обстреливать бетонные коробки.

К доту, где находился Сашка, танки пока не подходили, но зато с тыла стали просачиваться небольшие группы немцев, которые пытались забросить в амбразуры гранаты. И только благодаря соседям удавалось отгонять их подальше.

К вечеру стали заканчиваться патроны. Мучила жажда, но воду было взять негде. Впрочем, как и еду. Но об этом не думали, было не до этого. И тогда же в составе маленького гарнизона появилась первая жертва. Осколком снаряда был тяжело ранен в голову молчаливый парнишка без гимнастерки, в окровавленной рубашке. Во время очередного обстрела, когда солдаты прятались в подсобном помещении, предназначенном для хранения боеприпасов, провианта и противогазов, Сашка спросил о молчуне Чижова.

– Это Пашка Белов, – негромко ответил Чижов. – Он с братом-близнецом Колькой у нас в роте служил. Настоящие братья – не разлей вода. Все время вместе держались, даже кровати рядом стояли. Когда обстрел начался, Кольке в живот осколок угодил, все внутренности порвал. Он еще живой был, на руках Пашки и помер. Вот тот и переживает сейчас сильно за брата. Ты не трогай его попусту, тяжело ему сейчас очень.

И вот сейчас Паша Белов с окровавленной головой, тяжело дыша, медленно угасал. Осколком ему выбило глаз и вырвало часть височной кости. Ни бинтов, ни обезболивающих средств у защитников не было, поэтому единственное, что они смогли сделать, – это перевязать Пашку кусками разорванной рубашки и отнести в подсобку. Младший лейтенант подошел к Сашке и вручил ему освободившуюся винтовку:

– Держи, занимай место Белова, только с патронами поаккуратнее, стреляй только наверняка.

Так Сашка стал стрелком. И во время очередной немецкой атаки он, внимательно высматривая через узкую щель амбразуры атакующих врагов, нашел себе цель, внимательно прицелился и нажал на спусковой крючок. Звук выстрела резанул по ушам, вдали немец взмахнул руками и завалился в траву. Это было так нереально, что Сашка вначале даже не поверил в то, что убил человека. А когда осознал, вдруг испугался, словно совершил что-то страшное, плохое, но тут же получил легкую оплеуху от младшего лейтенанта, который вовремя заметил изменившееся от страха лицо Сашки.

– Цагельник, это враг, который пришел убить тебя! И если ты в него не попадешь, то он в тебя не промахнется. Ты, брат мой, на войне, а здесь убивают. Так что отбрось все сомнения



и смотри, чтобы руки не тряслись. Чем больше ты немцев положишь, тем больше шансов у самого остаться в живых. Понятно? – он посмотрел Сашке прямо в глаза.

– Так точно, понятно! – ответил тот, стараясь побороть накатившую дрожь и успокоить трясущиеся руки.

Чтобы поскорее прийти в себя, Сашка решил представить, будто все это понарошку, всего лишь игра, такая же, как и в детстве. От этой простой мысли сделалось легче, даже появился какой-то непередаваемый азарт, когда он вновь целился в перебегающие фигуры немцев.

Когда стало темнеть, атаки прекратились. Потеряв больше десятка убитыми, враг остановился, чтобы восстановить силы и подтянуть тяжелые орудия поближе, решив с утра окончательно покончить с обороняющимися. Над полем боя наступила долгожданная тишина, нарушаемая осветительными ракетами да редкими выстрелами.

– Нужны патроны, – подвел неутешительный итог младший лейтенант, посмотрев в ящик, на дне которого их оставалось всего несколько штук, – надо попытаться пробраться на склад. Кто пойдет? – он посмотрел в усталые запыленные лица.

– Я схожу, – вызвался Емельянов, – приходилось там раньше бывать в карауле, так что все подходы знаю.

Аккуратно открыли дверь и выпустили сержанта из дота, договорившись об условном сигнале по его возвращении. Как только Емельянов ушел, младший лейтенант снова собрал всех:

– Ребята, надо пособирать оружие у убитых немцев. Неизвестно, получится у сержанта найти боеприпасы или нет, а время терять не хочется. Заодно, может, получится раздобыть перевязочные средства для Паши и немного воды. Кто пойдет?

На этот раз вызвались идти Федор и Сашка.

– Мы так-то оба маленькие, проскочим, не заметят, – задорно ответил Федор.

– Только аккуратнее, если что, мы вас прикроем, – наставлял их младший лейтенант.

И вот сзади закрылась тяжелая дверь, Сашка с Федором остались снаружи дота, направляясь на свое первое опасное задание. Замирая под белым светом немецких осветительных ракет, они стали ползать по лугу, обыскивая убитых фашистов. Старались держаться вместе, чтобы было не так страшно смотреть на безжизненные холодные тела.

– О, гляди, что нашел, – Федор приподнял мертвую руку немца, на которой темнел кожаный ремешок с часами, – себе возьму, они ему уже не понадобятся, – и он деловито стал снимать трофей.

– Выбрось, дурак, – зашептал Сашка, – грех это, нельзя у покойников вещи отбирать.

– Ну, мы же отбираем у них патроны и еду, – не понял Федор, продолжая возиться с ремешком.

– Это другое, а вот часы и фотографии – это грех.

– Ну, ничего, я думаю, он не обидится, – Федор тихонько рассмеялся. – Ладно, поползли дальше, – сказал он, пряча часы в карман.

Через час, тяжело нагруженные, они вернулись в дот, принеся с собой много патронов и других припасов, среди которых главными были медикаменты и вода. Первым делом Чижов перевязал Пашу, обмыл ему лицо и положил повязку на вытекший глаз. Парень тяжело стонал, то и дело теряя сознание.

– Без врача долго не протянет, – Пивоваров сидел рядом, держа Пашу за руку, – только вот где сейчас этот врач? Эх, пропадет, безвинная душа, – сказал он с горечью, – скоро к брату отойдет.

Воду добавили в кожух пулемета и только потом выпили немного сами, оставив еще для Емельянова и на завтра. Найденные часы Федор подарил младшему лейтенанту:

– У меня есть уже, мне так-то вторые не нужны, а вам пригодятся.

Сержант появился во второй половине ночи. Мрачный и молчаливый, он вошел в дот.

– Патронов почти не нашел, склады разбиты, кругом немцы, чуть не угодил к ним, – ответил он на молчаливые взгляды товарищей, – вокруг до горизонта слышны выстрелы, значит, это не провокация. Похоже, точно война. Наших наступающих войск пока не слышно. Около склада встретил двух солдат из дота Веселова и одного из дота Шпанькова. Тоже патроны искали. С Веселовым больше десятка человек, даже снаряды к пушкам есть, правда, мало. У Шпанькова только пулеметы и винтовки, как и у нас. Все говорят, что будут держаться, пока не придут наши. Над деревней зарево, да и везде, куда только можно посмотреть, пожарища. Самолеты постоянно гудят. Немецкие. Вот так, – закончил он невесело.

– Ну что ж, товарищи, – задумчиво сказал младший лейтенант, – отступить не будем, надо, как и другие, держаться до конца. Надеюсь, скоро наши придут. Так что не впадаем в отчаяние, задача остается прежней. Тем более, что отступить нам некуда.

– Жалко, второй пулемет самим не установить, – подал голос Пивоваров, – было бы легче отбиваться с такой-то машиной. Я посмотрел, станину нечем крепить к стене, а на руках мы его не удержим.

– Эх, – Федор мечтательно закинул руки за голову, разминая затекшую шею, – вот почему только карлов горбатых на службу не берут? Вот где силищи немерено. Так-то у нас в деревне жил один такой, Митрофаном звали. Невысокий, горб здоровенный, как у верблюда. Мы его боялись поначалу, страшный же вроде. А он в душе так-то совсем ребенок был, добрый такой, никого не обижал. Поможет кому-нибудь и смеется, даже денег не просил никогда. Так-то, когда подрос, староверы из соседней деревни пришли, все спину ему измеряли да охали. Потом его мамку уговорили отдать Митрофана в примы к одной молодой девахе. Сказали, что им такой здоровый пригодится. Он хоть и горбун, но силища была в нем дикая. Чтобы нас, детей, повеселить, иногда ради забавы подковы шутя разгибал. А то, бывало, перебросит толстую палку через плечо, мы с обеих сторон на ней повиснем гроздьями, а он кружит нас, как на карусели. И нам смешно, и он аж заходится от смеха. Вот его бы сейчас сюда, уж он точно бы один станину с пулеметом удержал...

– Да. Денечка не хватило, – подвел итог младший лейтенант, – его сегодня должны были закрепить. Ну, что есть, то есть. Чуда, думаю, не произойдет. Так что давайте постараемся отдохнуть. Завтра еще один тяжелый день предстоит.

Решили дежурить до рассвета, а на случай, если немцы захотят подобраться поближе, выставили дозорного. Остальные легли прямо на бетонный пол. Не спалось, хотя день выдался очень тяжелым и от усталости подкашивались ноги, еще долго лежали и разговаривали о случившемся. Трудно было признать очевидное: война началась! Пришли к общему мнению, что скоро это закончится и появится наконец-то наша армия.

Оказалось, что новые товарищи, которых Сашка с Федором встретили около дота, – бойцы 3-й роты 18-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, который прибыл из-под Мозыря из 65-го укрепрайона, как и Сашка, и должен был занять новые укрепления после их постройки. Они расположились по соседству с лагерем, где находился батальон Сашки. И только вчера днем они первый раз увидели этот дот, который им надлежало занять на случай тревоги. Даже успели провести небольшую тренировку в нем, но внезапный утренний артиллерийский огонь спутал все карты. Много солдат погибло от первых же залпов, прорваться к оружейной комнате, взять винтовки, боеприпасы и выдвинуться на свои позиции удалось совсем немногим. Было неизвестно, какие укрепления удалось занять, связь между дотами еще не успели провести.

Младшего лейтенанта звали Василий Орехов. Он прибыл в роту прямо из училища всего несколько дней назад и только-только успел познакомиться со своими подчиненными. И подробнее узнавать каждого из оставшихся в живых пришлось уже в бою. Но он был рад, что

среди защитников этого дота не нашлось малодушных и трусливых людей. Об этом младший лейтенант сказал сам.

На рассвете умер Пашка Белов. Дернулся, придя в сознание, что-то сказал непонятное и, издав сильный стон, вытянулся, сложив обессиленные руки на груди. Его положили там же, в подсобке, на одну из полок стеллажа, и укрыли лицо доской от ящика. Больше было нечем. Сашка впервые так близко увидел смерть, но испугаться просто не было сил.

## Глава 6

Утро опять началось с сильного артиллерийского обстрела. За ночь, подтянув побольше орудий, немцы обрушили всю их мощь на набившие оскомину бетонные коробки, стремясь снести их с лица земли вместе с защитниками. Затем опять пошли в атаку. Но на этот раз действовали хитрее: пока одни отвлекали, другие старались зайти с тыла, чтобы бросить гранаты в узкие амбразуры. Иногда это удавалось. Гранаты с деревянной ручкой громко падали на пол, но защитники маленькой крепости успевали выскочить в другое помещение и переждать взрыв, от которого сильно закладывало уши.

Соседний дот Веселова стрелял все реже, наверное, там тоже заканчивались патроны. Пока оттуда доносились выстрелы, немцы боялись залезать на крышу укрепления, чтобы не попасть под пулю. Тем не менее, они постоянно атаковали, в перерывах щедро осыпая защитников снарядами. Боеприпасы подходили к концу, и во второй половине дня пулемет замолчал, пропустив через себя последнюю ленту. На каждую винтовку осталось меньше магазина. Теперь немцы осмелели и стучали в дверь прикладами: «Рус! Сдавайся!» «Хрен вам на воротник», – выругался младший лейтенант, выпуская последние патроны из своего пистолета в смотровое окошко. За дверью раздались стоны и топот убегающих ног. Но вдруг в перископную трубу что-то полилось. Жидкость тонкой струей побежала на пыльный бетонный пол, и в воздухе появился резкий запах бензина.

«Бензин!» – Пивоваров стащил гимнастерку, пытаясь заткнуть ею отверстие на потолке, но бензин продолжал капать на пол. Бесполезно! Все поняли, что стоит немцам залить дот бензином и поднести спичку, как все защитники будут сожжены заживо. Отталкивая Пивоварова и вытаскивая зажигалку, к трубе бросился Емельянов с криком: «Все в подсобку!» Повторять дважды не пришлось. Как только ноги последнего бойца мелькнули в дверном проеме, сержант зажег огонь и поднес его к перископу. Полыхнуло яркое пламя, выжигая все, что находилось вокруг, и затем резко рванулось вверх, наружу. Емельянов в горящей гимнастерке влетел к товарищам. Его повалили на пол и укрыли своими телами, гася одежду. Наверху раздался взрыв, расплескав горящий бензин на немцев, стоящих с канистрой около перископной трубы. С дота стали прыгать и разбегаться в стороны живые факелы, которые, пробежав несколько десятков метров, валились на землю и начинали в судорогах ползать по ней, стараясь избежать печальной участи, уготованной ими для других. Почти все они так и остались догорать на земле, распространяя вокруг себя запах горелого человеческого мяса.

– Молодец, Емельянов, вовремя сообразил, – похвалил сержанта младший лейтенант.

– Мы так в селе со степными пожарами боролись, – ответил тот, вороша обгорелые волосы, – встречным огнем гасили.

– Ладно, по местам, живы и хорошо, будем ждать новых сюрпризов, – младший лейтенант шагнул к выходу из подсобки. За ним потянулись остальные.

Не ожидавшие такого поворота, когда жертва вдруг превратилась в охотника, немцы замешкались, но потом с оголтелой яростью снова обрушились на защитников всеми стволами артиллерии.

– Хороший дот построили, – в паузах между разрывами сказал Федор Сашке, – все выдержит! Так-то ничего ему не страшно.

В ушах гудело – казалось, тысячи кузнецов одновременно бьют по наковальням. Воздух был заполнен поднявшейся пылью, дышать стало тяжело, но защитники держались, все надеясь на скорое освобождение подоспевшими советскими дивизиями. Но час сменялся следующим часом, а звуков подходящей помощи не было слышно. Ближе к вечеру немцы опять предприняли попытку выкурить маленький гарнизон из своей крепости. Сашка вдруг почувствовал легкий лекарственный запах: так пахло в райцентре в больнице, куда они с мамой один раз

ездили, когда у него сильно болел живот. Но этот запах был сильнее, начинал щипать глаза, еще больше мешал дыханию.

«Газ!» – младший лейтенант первым сообразил, что происходит. Через перископную трубу немцы стали пускать в дот ядовитый газ. Он медленно растекался по всем помещениям, желая забрать с собой всех защитников в царство вечного сна. Всех рвало, люди катались по бетонному полу, держась руками за горло, в которое, казалось, залили ведро керосина. Глаза было не открыть от сильной рези. Попробовали дышать в канавки для выброса гильз, прижавшись перекошенными от боли ртами к маленьким отверстиям, но тяжелый газ проникал и туда. Боль, дикая невыносимая боль накрыла каждого.

Корчась, Сашка видел, как лежал Федор, пытаясь руками разорвать себе глотку, надеясь хоть так получить маленькую дозу свежего воздуха, видел, как рвало младшего лейтенанта, как, закрыв глаза, молча шарил руками по стене умирающий от удушья Пивоваров. Потом постепенно боль стала уходить. Бледный как смерть, измученный Чижов молча показывал на трубу пальцем, не в силах сказать хоть слово. Сашка посмотрел туда и увидел, что газ больше не выходит. Значит, что-то произошло, раз немцы перестали их травить. Подумали, что все умерли? Вряд ли. Скорее всего, соседи помогли, последними выстрелами согнали врага со стен дота.

Долго лежали, приходя в себя. Газ ушел, оставив после себя мучительную резь в глазах и сильный кашель. Немцы продолжали бросать гранаты в узкие амбразуры, надеясь уничтожить защитников, поэтому пришлось всем снова перебраться в подсобку. За стеной, закрытой от обзора соседей, раздавались громкие звуки, словно кто-то молотом бил в стену.

– Стену решили пробить, засранцы, – прохрипел, мучительно улыбаясь, Емельянов.

– Не пробьют, хрен им на воротник, – выругался младший лейтенант.

И тут же словно молния мелькнула у Сашки в голове страшная мысль:

– Они взорвать нас хотят. Сейчас шурф небольшой сделают, потом туда взрывчатку заложат. Нам про то, как укрепления взрывать, комбат рассказывал. Он в финскую так делал, когда линию Маннергейма брали.

Все притихли. Простая мысль, озвученная этим мальчишкой в форме, действительно была жуткой. И ничего сделать они уже не в силах. А самое главное – помочь им никто не может, только если не произойдет чудо.

– Дождаться бы ночи, тогда можно будет прорваться! – с горечью в голосе сказал Пивоваров.

Вторым погиб Чижов. Схватив очередную брошенную гранату, он хотел вытолкать ее обратно, но та взорвалась в руке, разворотив ему плечо и снеся часть головы, забросав кровью и остатками светлых волос стены. Когда его втащили в подсобку, Чижов уже был мертв. Его положили рядом с Пашей.

– Никому больше не выходить, – сказал младший лейтенант, – сидим здесь. Ждем ночи. Как стемнеет, будем прорываться к Веселову. Хрен им на воротник, – снова выругался он на немцев, – обязательно прорвемся.

Но ночи так и не дождались. Ближе к вечеру раздался страшной силы взрыв, от которого едва не лопнули барабанные перепонки. Казалось, весь дот приподнялся над землей, немного завис в ставшем вдруг тяжелым воздухе и обрушился, рассыпаясь на бетонные глыбы с просвечивающей железной арматурой, хороня под своими руинами отважных защитников. Сашку, словно маленькую щепку, швырнуло прямо на стеллажи, с которых словно метлой смело тела убитых бойцов. Именно это хлипкое, наспех сколоченное из свежеструганных сосновых досок деревянное сооружение и спасло ему жизнь, приняв на себя часть тяжелых бетонных кусков с разорванной арматурой.

Теряя сознание, Сашка заметил ногу Федора, в агонии дергающуюся под здоровенной железобетонной глыбой. Потом наступила тишина.



Сколько он пролежал под развалинами, Сашка не понял. Очнулся от того, что чья-то тяжелая сильная рука тянула его за шиворот вверх.

– Kinder! – раздалось над головой, и его, как тряпку, швырнули на землю. Сашка открыл воспаленные глаза, пытаясь восстановить последние события. Жутко болела голова, он провел рукой по волосам, ощущая что-то мокрое сверху. Поднеся ладонь к глазам, Сашка заметил, что она вся в крови.

«Наверное, я ранен, – мелькнуло в голове, – а где все? Где Федор, где младший лейтенант? Почему я не в укрытии? Кто эти люди вокруг? Немцы? Что они говорят? И что они здесь делают? Как же болит голова! Невыносимо!»

Он сел, обхватив голову руками, не понимая, что сейчас происходит вокруг.

– Ребенок! – снова раздалось на немецком. – У русских нет солдат, раз они посылают в армию детей?

– Этот ребенок уложил много наших, – прозвучал в ответ другой голос, – застрели его.

– Я не стреляю в детей! – возразил первый.

– Унтер-офицер приказал убить их всех!

– Я не буду стрелять в ребенка, Ганс! Я сапер, а не палач. Хочешь, сам убивай, а я не буду.

– Я тоже не буду. Тем более он ранен. Отдадим его штурмовикам, пусть они решат, что с ним делать.

Сашка сидел, продолжая смотреть невидящими глазами перед собой, когда его снова подняли за шиворот и поставили на ноги. Только тогда он осознанно заметил около себя двух немецких солдат с перекинутыми за плечи винтовками. Они стояли и о чем-то разговаривали, показывая на него пальцем. Затем один, постарше, подошел к Сашке и толкнул его рукой, указывая направление в сторону деревни. Сашка последний раз обернулся на развалины маленькой крепости, ставшей в одночасье братской могилой их небольшого гарнизона, и, медленно переставляя ноги, двинулся впереди солдат. Те не торопили, спокойно шагая сзади и переговариваясь на непонятном резком языке.

Пришли в Орлю. Сожженные дома, обгорелые печные трубы, убитая лошадь с разорванным животом около сломанного забора, перепаханная взрывами земля, многочисленные воронки. Таким невеселым пейзажем встретила Сашку первая увиденная им деревня, с первых минут испытавшая всю жестокость начавшейся войны. На другом краю, среди чудом уцелевшего сада, располагался немецкий штаб. Всюду сновали вооруженные фашисты, с насмешкой поглядывая на идущего под конвоем Сашку.

Его отвели к большой палатке. Один из сопровождавших Сашку солдат вошел в нее и через пару минут вышел с офицером. Тот подошел поближе, внимательно посмотрел на пленника и тихо сказал на немецком, ни к кому не обращаясь:

– Не понимаю, как этим соплякам удастся до сих пор нас сдерживать? Дикая страна. Одни фанатики! – Офицер повернулся к солдатам и громко добавил: – Это не пограничник. Тех расстреливать на месте, а этого отправьте к остальным. Пусть подыхает в лагере, – и, повернувшись, вошел назад в палатку.

Молодой немец подошел к Сашке и под общий хохот остальных сильно пнул ногой, да так, что Сашка не смог устоять на ногах и упал в траву. Его снова взяли за ворот гимнастерки и рывком поставили на ноги. Довольные белобрысые солдаты продолжали хохотать, насмехаясь над маленьким, перепачканным грязью пополам с кровью пленником. Затем все тот же молодой немец повел Сашку в поле подальше от деревни, где в окружении расставленных пулеметов находились попавшие в плен красноармейцы вместе с гражданскими строителями из рабочих бригад, помогавшими строить линию обороны.

Большая часть людей были полураздеты, напуганы, было видно, что они попали в руки врага в первые минуты войны. Напоследок еще раз ударив Сашку ногой, немец толкнул его к остальным. К Сашке сразу же подскочили, посадили на землю и стали расспрашивать. По

внешнему виду многие догадались, что новый пленник прибыл из дотов, выстрелы из которых до сих пор мешали гитлеровцам в точности выполнять свой расписанный по пунктам план.

Здесь, в кругу таких же бедолаг, Сашка встретил своих сослуживцев из батальона, ребят из соседней бригады, которые подвозили бетон и доски на стройку. Были здесь и пограничники, и саперы, и солдаты со всех окрестностей, и гражданские строители, и даже пара милиционеров в разорванной форме. Ни воды, ни еды не давали, и люди начинали голодать, второй день сидя на солнцепеке, от которого нельзя было спрятаться.

Хуже всего доставалось раненым. Ни бинтов, ни лекарств не было, люди так и лежали в крови, предоставленные сами себе. Пленные говорили о разном – кто-то строил планы побега, кто-то недоумевал от случившегося, но были и такие, кто считал свое пленение спасением от большевизма и искренне благодарил немцев за эту войну. По воле случая в плену оказался фельдшер из их саперного батальона, который протиснулся к Сашке и разогнал зевак, слушавших его спутанный рассказ о событиях последних дней.

– Ишь налетели, как курицы! – фельдшер не стеснялся в выражениях, – дайте человеку в себя прийти для начала, потом уж и расспрашивать будете, а теперь расступитесь и не мешайте, – и он принялся осматривать Сашку. Раны на голове оказались неглубокие, просто сорвало кожу в нескольких местах. Так как промыть голову от крови было нечем, фельдшер просто забинтовал ее невесть откуда появившимся куском грязного бинта, подложив на кровоточащие места листочки подорожника.

– Ничего, организм молодой, до свадьбы заживет, лишь бы только заражения не было, – сказал он напоследок и отправился к очередному раненому.

Поздно вечером к Сашке пробрался командир его взвода младший лейтенант Щербаков.

– Цагельник, живой?! – обрадовался он. – А я-то думал, что тебя в первые минуты убило. Все, кто не успел разбежаться, сейчас здесь. Много наших при обстреле погибло, и не сосчитать, паника жуткая поднялась, ничего же не понятно было, – Щербаков горестно вздохнул. – Когда взрывы закончились, стали раненых вытаскивать да думать-гадать, что делать, а когда нас немцы на мотоциклах окружили, рванули кто куда. А те нас давай из пулеметов косить, тогда тоже много народу полегло. Потом кого живых нашли, сюда согнали. Ты-то как здесь оказался?

Сашка еще раз поведал взводному все, что произошло с ним.

– Ну, ты герой! – восхищенно ответил тот. – А мне ни разу выстрелить не удалось, даже оружия подержать не успел. Голова сильно болит?

– Уже полегче.

– А ты давай, меня держись. Немцы – народ культурный. Порядок наведут быстро, так что не переживай, скоро домой отпустят. Хватит, навоевались уже.

Сашку аж передернуло от таких слов. И это говорит его командир? В голове такое не укладывалось. После этого разговора он стал избегать взводного, было противно видеть его желание угодить новой власти.

## Глава 7

Рано утром, едва рассвело, немцы стали выстраивать пленных в длинную колонну, активно помогая себе прикладами. Тех, кто не мог идти самостоятельно, собрали в отдельную кучу. Остальная колонна медленно двинулась в путь. Как только отошли шагов на двести от лагеря, сзади раздались выстрелы.

«Раненых добивают», – раздалось в строю, но никто не посмотрел назад, только вжали поглубже головы в плечи: стыдно и страшно оборачиваться. Так и шли дальше в свой скорбный путь. Ходячим раненым помогали, поддерживали, зная, что их ожидает в случае остановки. Иногда то тут, то там звучали выстрелы. Это немцы добивали тех, кто совсем ослабел и не мог идти. Вначале повели на юг, в сторону Бреста. «Может, в “Красные казармы” ведут? – предполагали вначале. – Там военный городок, можно много людей разместить». Но прошли мимо деревни Речица, где находился это самый городок, и двинулись дальше, забирая западнее города. Со стороны крепости и самого Бреста доносились выстрелы, там шел сильный бой.

«Наши держатся! Молодцы!» – пробежало по колонне, и на лицах измученных людей стали появляться улыбки: значит, все не так уж плохо, значит, есть надежда, если крепость ведет бой. Скоро, очень скоро подойдет наша армия и освободит всех. Немцы тоже как будто что-то почувствовали, словно чего-то испугались, стали более энергично подгонять пленных, требуя ускорить шаг. Опять замелькали в воздухе приклады винтовок. По уцелевшему мосту, по которому навстречу двигалось бесчисленное вражеское войско, колонна военнопленных вошла в Польшу.

– Да... Вот это силища идет! Куда уж нам против такой? – сказал восхищенно невесть как оказавшийся около Сашки взводный. – Верно я говорю, Цагельник?

Он насмешливо взглянул на своего бывшего подчиненного. Тот ничего не ответил, шагая по пыльной дороге чужой страны.

К вечеру дошли до небольшого городка Бяла-Подляска, недалеко от которого находился лагерь для военнопленных. Хотя лагерем назвать его было трудно: огороженное колючей проволокой в несколько рядов голое поле со стоящими посередине двумя маленькими зданиями. По периметру находилось множество вышек с пулеметами. Запах мертвечины витал в воздухе, усиленный жарким солнцем, словно предупреждая находившихся здесь о неизбежности близкой смерти.

Открылись ворота, и колонна вошла внутрь территории, на которой уже находилось несколько тысяч пленных, захваченных в первые часы и дни войны. Немцы остановили прибывших, повернули лицом к забору, и вдоль строя стал ходить офицер, выкрикивая: «Комиссары, коммунисты, евреи – шаг вперед!»

– Ну, я комиссар, – неторопливой походкой вышел седой политрук. – Что, крысы, по свежей кровушке соскучились? Рано радуетесь, отольется вам еще сполна наша кровь, – спокойным голосом обратился он к своим палачам.

Сашке не приходилось видеть его раньше, но одни его бесстрашные слова вызывали уважение.

– И я комиссар, – расталкивая впереди стоящих, из строя пробился молодой человек в рваной гимнастерке с нашитой на рукаве звездой. Подошел и встал рядом с седым.

Немецкий офицер помолчал, выжидая, затем что-то крикнул на своем гортанном языке, и вдоль строя принялись шастать солдаты, выискивая подозрительных. Через пять минут рядом с двумя политруками стояло еще двенадцать человек. Офицер снова скомандовал, и их всех отвели к проволочному забору, где построили в одну шеренгу. Тут же возникли солдаты с винтовками, вставшие напротив, метрах в десяти. Раздалась команда, прозвучал залп, и все четырнадцать человек снопами повалились на землю. Офицер прошел мимо тел, доби-

вая раненых из пистолета, и вскоре все было кончено. Убитых закинули на телегу и вывезли за территорию лагеря, где сбросили в большую яму. И только после этого колонне была дана команда разойтись. Остальные пленные молча наблюдали за казнью, словно это было привычное дело. Так оно потом и оказалось.

Днем по лагерю сновали немцы, их прислужники-полицаи, да и просто предатели, ставшиеся со злости либо за миску баланды свести старые счеты. Выискивали, вынюхивали, доносили. Подозрительных арестовывали и заводили в небольшой огражденный загон, этакий лагерь внутри лагеря. И к вечеру тех, кто там оказался, расстреливали у всех на виду для устрашения, а назавтра загон пополнялся новыми людьми. Каждый день приводили все новые и новые колонны, так что «работы» у палачей и их прихвостней хватало.

Однажды днем выстроили всех пленных, заставили полностью раздеться. Вдоль строя ходили немецкие солдаты, рассматривая половые органы.

– Обрезанных евреев ищут, – сказал кто-то у Сашки под ухом.

– Каких обрезанных? – не понял тот.

– Эх, сопляк, подрастешь – узнаешь! – ответил все тот же голос.

В этот день расстреляли несколько десятков человек. Среди них Сашка увидел своего сослуживца Рината Гуляева, татарина, который пытался доказать немцам, что он не «юде», но те и слушать не стали. Такие проверки продолжались еще несколько дней, потом прекратились. Наверное, кто-то донес до фашистов, что крайнюю плоть принято обрезать не только у евреев, но и у некоторых азиатских и кавказских народов.

Предателей, которые доносили на своих же товарищей, нередко утром находили мертвыми, но немцам не было до этого никакого дела, на их место всегда приходили новые. И только в лагере Сашка по-настоящему понял, что здесь как нигде проявляются истинный характер человека, его сущность. Двое его бывших сослуживцев перешли на службу к немцам и теперь палками и дубинами, избивая других пленных и издеваясь над ними, доказывали свою преданность новым хозяевам. Но были и те, кто, несмотря на нечеловеческое отношение, не сломался. Почти каждый день из лагеря кто-то убегал. Делали подкопы под проволокой или сбегали с работ, на которые каждый день гоняли рабочие команды. Кому-то посчастливилось убежать, но большинство ловили и возвращали в лагерь, где их ждала мученическая смерть, по сравнению с которой расстрел казался спасением.

Сашка видел, как пойманных травили собаками, увечили металлическими прутьями, ломали руки и ноги, вырезали звезды на лбу, выкалывали глаза. Однажды привели троих пойманных: двух офицеров и одного солдата. Они сбежали из лагеря два дня назад, и те, кто знал о побеге, начали было верить, что беглецы уже вне досягаемости. Но их поймали – оказалось, выдал польский крестьянин, который видел, как они прятались на ночь в стоге сена. Там их утром и взяли. Немцы построили весь лагерь буквой «п». Несчастных связали, положили в один из кухонных котлов и сварили заживо. Сашке долго еще мерещились нечеловеческие крики несчастных, умиравших такой жуткой смертью.

Но побегов меньше не становилось. Наоборот, испытав всю «гуманность культурного немецкого народа», пленные стали понимать, что здесь, в лагере, они обречены на вымирание. Если не расстрел, то голодная смерть. Первые несколько дней есть ничего не давали, и пленные съели всю траву, росшую на поле, превратив его в безжизненную землю. Затем стали выдавать грамм сто пятьдесят хлеба с отрубями и миску баланды. Но этого было явно недостаточно для здоровых взрослых людей, которые начали таять, как воск, быстро превращаясь в обтянутые кожей скелеты. Сашка почувствовал, как начинают уходить силы. Он понял, что пройдет совсем немного времени, и однажды от слабости он не сможет подняться на проверку и его застрелят. А ведь он всего неделю в плену. Пока еще есть силы, нужно попытаться вырваться из этого ада, иначе будет поздно.

И тогда он решил бежать, как бы опасно и рискованно это не было. Вернуться домой, в родную полесскую деревню, где всегда можно спрятаться от войны, переждать ее. А там как бог даст. Своей идеей он побоялся делиться с другими пленными, в этой чехарде постоянных предательств было неясно, где друг, а где враг. Решившись, он упросил Щербакова, который к этому времени стал старшим рабочей команды, занимавшейся заготовкой леса, взять его к себе.

– Ну, смотри, Цагельник, не справишься, сам тебе хребет переломаю, – соглашаясь, пригрозил тот.

Первый день Сашка работал изо всех сил, обрубая сучья поваленных деревьев, и заодно присматривался к обстановке. Старался определить направление побега, сориентироваться, наблюдал за Щербаковым. Тот самолично обходил работающих и подгонял с помощью палки тех, кто, по его мнению, работал недостаточно быстро. Для охраны команды выделялось трое немецких солдат с винтовками, но они, заметив рвение пленного младшего лейтенанта, предпочитали лежать в тенике под березкой, нежели самим наблюдать за работой команды.

По дороге обратно, когда уставшие люди медленно брели по пыльной дороге, навстречу попала польская старушка. Увидев измученных оборванных красноармейцев, она остановилась, горестно покачала головой и, развязав котомку, которую несла за спиной, сунула проходящим большой каравай хлеба. Немецкие охранники лениво прикрикнули на нее, но еду у пленных отбирать не стали. Хлеб тут же на ходу разделили между всеми поровну, досталось даже Щербакову. Сашка с наслаждением впился зубами в свежую хлебную мякоть, пахнущую печкой. Теперь сил на побег точно должно хватить.

На следующий день команду снова направили на ту же самую делянку. Во второй половине дня, дождавшись, когда Щербаков в очередной раз приблизится, Сашка скорчил кислую рожу и тихонько обратился к нему:

– Товарищ младший лейтенант, живот сводит, позвольте отбежать, а то вонять сильно буду, а ветерок сейчас на немцев, еще обидятся.

– Был товарищ, да весь вышел, – грозно зыркнул на него Щербаков, – не называй меня так больше. Ну, давай, вон в те кусты отбеги и присыпь чем-нибудь, когда погадишь, а то потом нюхай твое дерьмо, – презгливо закончил он и пошел дальше.

Сашка воткнул топор в дерево и медленно, немного согнувшись и держась руками за живот, направился к кустам, внимательно посматривая в сторону немцев. Те даже ухом не повели, продолжая о чем-то не спеша переговариваться, раскинувшись в тени. Отойдя метров на двадцать, Сашка развернулся, согнулся еще больше, стремясь стать незаметным, и быстро, не наступая на сухие ветки, рванул в глубь леса. Хватиться его должны будут минут через десять. Пока вызовут охранников с собаками, пройдет еще часа полтора. Так что небольшая фора у него есть. Главное – продержаться до темноты, ночью немцы в лес не пойдут. А до рассвета он сумеет уйти далеко.

Бежал он на юг, немного забирая западнее, надеясь сбить преследователей с толку. И только сделав порядочный крюк, повернул на юго-восток. Несколько раз попадались ручьи. Сашка то бежал по воде, перепрыгивая с одного берега на другой, то петлял вокруг небольших заболоченных участков, стараясь сбить со следа собак. Часа через три непрерывного бега он уловил далекий лай. Все! Идут по следу. Теперь только бежать! И он бежал, задыхаясь, из последних сил. Ноги в мокрых сапогах стерлись в кровь, но времени сесть, вылить воду, выжать портянки не было. Каждый шаг причинял боль, но он, казалось, не замечал ее. Перед глазами плыли страшные картины истязаний беглецов. Лай продолжал доноситься сзади, то приближаясь, то отдаляясь. Силы были на исходе.

«Все, не могу больше, пусть догоняют, пусть стреляют», – закрадывалась предательская мысль. Но тело, казалось, уже не слушало мысли своего хозяина, продолжая упрямо двигаться вперед. Впереди лес поредел, и показалась дорога, по которой шла колонна вооруженных нем-

цев. Сашка остановился, думая, что делать дальше. Бежать вдоль дороги? Куда? Или эти заметят, или преследователи догонят! Переждать? А если эта колонна такая же, как и те, что видел раньше, – без конца и края.

Вот она, свобода, так близко и так недостижимо! За дорогой виднелся густой лиственный лес. Но как туда попасть? Страх быть затравленным собаками или оказаться сваренным в котле все же победил. Сашка, прячась за деревьями, подобрался поближе к дороге, и, как только мимо промаршировала очередная рота фашистов, а до подхода второй оставалось метров сто, он, собрав последние силы, рванул через дорогу. Перелетел ее за считанные секунды прямо на глазах у растерявшихся от такой наглости немцев и бросился под спасительное прикрытие деревьев. Сзади раздалось несколько автоматных очередей, но он был уже далеко, и пули лишь выкосили ближайшие около дороги кусты.

Уже начало темнеть, когда он выскочил прямо к реке. Вот он, Буг. Граница! На той стороне – советская земля. Лай сзади уже не был слышен, и Сашка остановился в прибрежной осоке передохнуть. Немного отдышавшись, разулся и стал медленно, стараясь не шуметь, прокрадываться к реке. Неизвестно, что сейчас там, на другом берегу. Держа сапоги над головой, перебрался через реку, истертые в кровь пальцы приятно приняли холод воды, даже вылезать не хотелось. Напившись речной воды, выбрался на берег и, снова обувшись, медленно пошел уже по своей родной земле. В паре десятков метров от реки проходила пограничная контрольно-следовая полоса, опутанная рядами колючей проволоки. Видимо, здесь немцы не переправлялись, и это был небольшой кусочек сохранившейся границы в ее нетронutom первоначальном виде. Правда, сильно пугала тишина. Казалось, что граница умерла вместе со своими защитниками, которые больше никогда не пройдут здесь дозором. Сашка постарался поскорее покинуть это место, призрачно напоминавшее о мирных днях, уж слишком неуютно он себя тут почувствовал.

Ночь выдалась звездная, и он шел все дальше и дальше, ориентируясь по немеркнущей Полярной звезде. Спать не хотелось. Наоборот, волнующее чувство свободы радовало, хотелось кричать от счастья, что наконец-то вырвался из преисподней. Хотя неизвестность будущего настораживала: он еще слишком далеко от дома, чтобы можно было расслабиться, поэтому нужно держаться внимательней. Когда начало светать, он пересекал большое поле, вскопанное воронками. В конце тянулась неровная линия наспех выкопанных окопов. Значит, здесь был бой, и наши отошли. Но почему не слышно канонады? Где Красная армия? Как далеко зашли немцы? Откуда Сашке было знать, что немцы в это время добивали окруженные около Минска дивизии, переправились через Березину и уже подошли к Днепру в районе Жлобина и Рогачева.

В одной из полуразрушенных землянок он нашел уцелевшую чудом стеклянную флягу и заплесневелый сухарь. Пройдя еще немного в лес, он остановился в густых зарослях папоротника. Голова гудела от недосыпа, тело наполнилось дикой усталостью. Сашка подмял под себя немного стеблей и улегся на них: нужно было отдохнуть перед неизведанной и, вероятно, опасной дальней дорогой. Только успел снять сапоги и положить на них портянки, как моментально провалился в крепкий сон. Настолько крепкий, что если бы рядом проехал танк или выстрелила пушка, то он вряд ли бы проснулся.

## Глава 8

Стояла страшная жара, словно солнце желало испепелить своей бесконечной силой громыхающую войну, заставить людей искать любую прохладу, чтобы отдохнуть от парящего пекла и, главное, задуматься о смысле самого человеческого бытия, о бесперспективности братоубийства, ведь об этом говорит вся история человечества. Природа давала понять, что человек – это всего лишь слабое создание, не способное повлиять своими поступками на мироздание, копошащееся, как муравей, в своем ничтожном мирке. Как не получится у муравья стать птицей, так и человек никогда не станет хозяином природы. И это раскаленное солнце хотело своими яркими лучами пробиться в голову каждого, кто был сейчас рядом, и сказать ему: «Человек! Что ты делаешь? Опомнись, остановись»...

Сашка заканчивал набирать во фляжку воду из маленького ручейка, звенящего на камешках переливами прозрачной холодной влаги, как вдруг услышал голоса людей, приближавшихся к нему по маленькой лесной тропинке. Голоса были громкие, веселые, не русские. Не став дожидаться, пока фляга полностью наполнится, Сашка диким зверьком нырнул в заросли растущей около тропинки осоки, прижался к земле и притаился, стараясь сдерживать дыхание.

Не прошло и полминуты, как рядом друг за дружкой протопало около десятка немцев в серо-зеленых мундирах с закатанными рукавами. Все они были как на подбор: белобрысые, крепкие, высокие, белозубые – словно с геббельсовской агитки о превосходстве арийской нации над другими. Немцы были без касок, в руках каждый держал винтовку. Они о чем-то весело и громко разговаривали, словно это была обычная прогулка шумной компании по летнему лесу. И все казалось бы мирным, если бы не трое пленных красноармейцев, шедших со связанными сзади руками посередине этой ватаги, которых идущий сзади верзила-немец периодически подгонял ударом приклада.

Когда процессия скрылась из виду, Сашка выбрался из осоки и, то и дело припадая к тропинке, двинулся следом. Одного из пленных он узнал. Это был сержант с пограничной заставы, рядом с которой они строили доты. Сашка иногда видел этого невысокого сержанта, когда тот вел очередную смену пограничников для охраны границы. Вот и сейчас он шел впереди пленных, гордо подняв голову и глядя только перед собой, словно не замечая своих конвоиров. Сержант был босиком, в рваной около плеча гимнастерке с запекшимися пятнами крови вокруг, но на голове была фуражка пограничника с зеленым околышком, надетая по всем правилам строевого устава. Двое других красноармейцев тоже были маленького роста. Черные курчавые волосы и носы выдавали в них так нелюбимых бесноватым немецким фюрером евреев. Немцы возвышались над пленными, словно Гулливер над лилипутами, они были выше не менее чем на голову, а то и на полторы, любого из этих несчастных.

Шли долго, минут десять. Наконец, облюбовав небольшую залитую солнцем полянку, немцы остановились. Красноармейцев привязали ремнями к стволам деревьев, а сержанта-пограничника вывели на середину, освободив ему руки от пут и окружив кольцом. Сашка подобрался поближе и спрятался в густом орешнике, откуда хорошо просматривалось все, что творилось на поляне. Ему было непонятно, что же здесь происходит. На расстрел это не походило: если бы захотели, расстреляли бы рядом с лагерем, запугивая остальных пленных. Судя по игривому настроению немцев, они явно решили поразвлекаться с пленными, но как?

Немцы продолжали о чем-то весело разговаривать, пристегивая штыки к винтовкам. Пограничник стоял спокойно, глядя на голубое безоблачное небо, высокие деревья, окружавшие эту лесную прогалину, как будто ему совсем не было дела до гогочущих палачей. Внезапно один из немцев сделал шаг вперед и легко ткнул пленного штыком. Ткнул не очень сильно, но Сашка заметил, как на месте укола стало появляться красное пятно. Пограничник отшатнулся, но тут же второй фашист со спины ударил его своим штыком в икру левой ноги. Сержант

рванул в сторону, но тут же получил укол от следующего немца, стоящего сбоку. И пошло-поехало: пленный крутился волчком, извивался, пытаясь понять, что от него хотят эти веселящиеся звери. А они продолжали смеяться, нанося штыковые удары во все части тела, заставляя сержанта крутиться все быстрее и быстрее в надежде уклониться от очередного укола.

Вскоре вся форма пограничника была в крови, сам он начал выдыхаться от слабости и усталости. Наверное, рано или поздно у каждого человека наступает порог, когда боль уже не является болью, потому что сержант вдруг остановился, выпрямился и молча, с ненавистью, стал смотреть в лица своих убийц, не обращая внимания на новые раны. Немцы еще продолжали наносить удары со всех сторон, но поняв, что тот не будет больше плясать под их дудку, прекратили. Так и стояли, глядя друг на друга: тяжело дышащий, ослабевший, израненный, но гордый пограничник и довольные своей дьявольской игрой садисты.

Немцы о чем-то поговорили между собой, один из них шагнул к пленному и, замахнувшись винтовкой, нанес ему сильный удар штыком в грудь. Удар был такой силы, что Сашка заметил, как блеснула сталь клинка, вылезая из спины сержанта. Тот удивленно посмотрел на пронзивший его штык, схватился двумя руками за винтовку, словно стараясь выдернуть ее из себя, и внезапно обвис, издав последний вздох и уронив голову на грудь. Немец приподнял пленного на винтовке и швырнул вверх, в противоположную сторону круга. Тело соскочило со штыка и стало заваливаться, но тут же другой немец со всей силы ударил сержанта в спину и швырнул его обратно. И снова, хохоча, убийцы продолжали издеваться уже над мертвым человеком, не давая ему упасть, передавая с одного штыка на другой. Наконец, наигравшись, когда тело пограничника уже не напоминало человеческое, а больше походило на большой кусок окровавленного мяса вперемешку с болтающимися внутренностями, выбросили его в траву к ногам привязанных красноармейцев, с ужасом наблюдавших эту кровавую вакханалию. Продолжая весело смеяться, изверги уселись на краю поляны в теньке и принялись стирать с себя капли долетевшей до них чужой крови, утоляя жажду шнапсом из фляг.

Сашка продолжал смотреть на поляну ошалевшими глазами. В ушах все еще стояли последний вздох сержанта, хруст ломающихся костей, шлепок штыка, рассекающего плоть и довольный хохот убийц. Голова, казалось, готова была взорваться от пережитого, от невероятности произошедшего. Слезы ручьем текли по заросшим впалым щекам, щедро капая на корни кустарника. Будь у него сейчас оружие, он бы, не задумываясь, выскочил на поляну, чтобы убить хоть одного из этих нелюдей. И неважно, что много выстрелов ему сделать не дали бы, но хоть кого-то успел бы застрелить, мстя за убитого пограничника. Но у него ничего не было, и оставалось только в бессильной злобе сжимать кулаки и в мыслях проклинать этих садистов.

Передохнув, немцы отвязали следующего пленного и поставили его в центр поляны. Солдат был еще совсем молодой, наверное, одного года с Сашкой. Даже из кустов Сашке был виден нечеловеческий ужас, застывший в карих глазах красноармейца. Поставленный в круг для жестокой расправы, он не смог стоять и опустился на землю. Тотчас же к нему подскочил верзила-немец и, рванув за шиворот, поставил на ноги. Как только немец отошел, солдат опять обессиленно свалился на землю, из его глаз текли слезы: так страшно знать, какой мучительный конец приготовили тебе палачи! Немец подошел снова и, ударив ногой в голову, опять поставил солдата на ноги.

Пленный стоял, плача в ожидании своей незавидной участи. Внезапно немцы захохотали: между ног солдата расплывалось большое мокрое пятно. Приговоренный снова рухнул на колени и принялся умолять своих палачей оставить его в живых. И опять к нему подошел тот же немец и рывком поставил на ноги. Долго еще продолжалось это издевательство. Пленный падал на колени, пытался целовать руки и пыльные сапоги своим убийцам, заклиная их пожалеть его во имя своих матерей, немцы веселились и хохотали, глядя на это. Наконец им надоело. Они в очередной раз поставили солдата на ноги и начали свой убийственный ритуал. С этим красноармейцем с потерянной волей хоть к какому-то сопротивлению они покончили



быстрее, чем с сержантом, и, видимо, оставшись недовольными такой быстрой смертью, выволокли на поляну последнюю жертву.

Пленный, переживший мученические смерти своих товарищей, уже успел прийти в себя от первого шока и не строил никаких иллюзий по поводу своего спасения. Когда его, развязав руки, поставили в центр круга, он вдруг разразился такой матерщинной тирадой, проклиная гитлеровцев, что те даже опешили от удивления. Затем пленный бросился к ближайшему немцу, плюнул тому в лицо и стал вырывать винтовку из рук ошалевшего фашиста. Придя в себя, немец мощным толчком швырнул жертву на землю и, подойдя вплотную, пригвоздил ее штыком к земле. Затем, выдернув винтовку из тела пленного, принялся методично, словно швейная машинка Зингера, наносить ему удары клинком, повторяя, что ненавидит евреев. Остальные стояли на месте и в такт этим ударам хлопали в ладоши, весело переговариваясь между собой. Когда озверевший фашист оторвался от своей жертвы, его обступили и стали похлопывать по плечу, успокаивая, а он продолжал рваться к мертвому телу пленного, посмевавшегося его оскорбить.

Наконец чудовищная расправа над безоружными была закончена. Гитлеровцы, отдохнув подле своих жертв и сфотографировавшись на память, двинулись назад, по дороге продолжая со смехом обсуждать свою кровавую забаву.

Когда их голоса окончательно заглохли в лесу, Сашка выбрался из своего укрытия и направился на залитую кровью поляну. Трупы лежали в разных концах, в воздухе уже начали жужжать зеленые мухи, стремясь как можно быстрее оставить на мертвой плоти свои личинки. На такой жаре в безветрие запах неживых, еще не остывших тел сильно ударил в нос. Сашка опустился на колени, не в силах подняться от нахлынувших спазмов, его сильно вырвало. И хотя он с детства помогал отцу забивать скотину и запах теплой мертвечины был ему знаком, да и насмотреться на убитых он успел достаточно за последние дни, от увиденного сильно закружилась голова. С трудом встав на ноги, Сашка доковылял до края поляны и, теряя сознание, свалился под ближайшее дерево.

Очнулся он ближе к вечеру, когда дневной зной пошел на убыль, уступив место охлаждающей прохладе вечера. Вначале не понял, где находится, вскочил, озираясь кругом, и, только увидев первое искромсанное тело, вспомнил. Все еще шатаясь от слабости, достал флягу и стал жадно пить, стараясь не упустить ни одной капли, остатки воды вылил себе на голову. Сразу стало легче дышать, сумбур навалившихся мыслей и впечатлений потихоньку выровнился в строгую линейку.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.